

ДЕТЕКТИВ-**Н**ОСТАЛЬГИЯ

Лагерь обреченных

Полное
погружение
в атмосферу,
быт и жизнь
эпохи 80-х

Геннадий СОРОКИН

Детектив-ностальгия

Геннадий Сорокин
Лагерь обреченных

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сорокин Г. Г.

Лагерь обреченных / Г. Г. Сорокин — «Эксмо»,
2019 — (Детектив-ностальгия)

ISBN 978-5-04-100319-7

Осень 1983 года. В небольшом сибирском поселке намечено открытие Вечного огня. Приглашенные на торжество фронтовики в предвкушении праздника. Однако в разгар мероприятия случилось ЧП: в Доме культуры найден мертвым председатель местного Совета ветеранов. Следователь Андрей Лаптев подозревает, что смерть эта – насильственная. Не случайно рядом с телом обнаружена нарисованная кровью руна, которая в войну была символом дивизии СС «Галичина». Что это – чья-то глупая шутка или спланированная месть? Сыщик приступает к расследованию и натывается на ошеломляющие факты, о которых последние сорок лет в здешних местах предпочитали молчать...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100319-7

© Сорокин Г. Г., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

1	6
2	10
3	14
4	19
5	23
6	28
7	36
8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Геннадий Сорокин

Лагерь обреченных

© Сорокин Г. Г., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

***

Ностальгия по старым добрым временам. Автор, бывший сотрудник милиции, настолько реально описывает атмосферу тех лет – одежду, музыку, отдых, нравы, что веришь ему сразу и безоговорочно.

1

В пять утра в мою дверь забарабанили пудовые кулачищи.

– Андрюха, вставай! – кричал незнакомый мужик. – У нас ЧП, тебя срочно требуют на выезд.

Я распахнул створки окна, высунулся наружу:

– Чего орешь, весь поселок разбудишь!

Незнакомец в форме сержанта милиции перешагнул через низенький заборчик, отделяющий мой импровизированный палисадник от крыльца.

– Привет! – протянул он руку.

– Здорово! – Свесившись через подоконник, я пожал его крепкую мозолистую ладонь. – Чего случилось?

– Железнодорожный мост через Иланку взорвали. Начальник РОВД велел поднять весь личный состав по тревоге, так что ноги в руки – и в райотдел!

– Ты меня не подвезешь? – спросил я, кивая на «уазик», на котором приехал сержант.

– Ножками добежишь, не барин. Мне еще остальных поднимать надо.

Я закрыл окно и стал собираться на работу. На календаре было восемнадцатое июня 1983 года, второй день моей службы в Верх-Иланском РОВД.

К шести утра в актовом зале районной милиции собрался почти весь личный состав РОВД. Перед нами выступил мой непосредственный шеф, начальник уголовного розыска Казачков.

– Все знают железнодорожный мост через Иланку? – спросил он.

В зале согласно загудели. Один я ничего не знал. Немудрено. Я еще не освоился в районе, не поездил по деревням, я даже на берег реки еще ни разу не сходил. Иланка протекала через улицу от моего барака, но у меня пока не возникало желания посмотреть, в какую сторону она течет.

– В половине четвертого утра через мост прошел тепловоз, – продолжил Казачков. – Мост все помнят? Там два пролета. Как только тепловоз пересек опору между пролетами, она взорвалась. Тот пролет, что со стороны деревни Силино, упал в реку. Больше я ничего не знаю.

– Вадим Алексеевич, – раздался голос из зала, – какому дебилу понадобилось наш мост взрывать? По нему последний состав прошел лет двадцать назад. Я еще пацаном был...

– Я вижу, – повысил голос Казачков, – с тех давних пор ты нисколько не поумнел! Я русским языком сказал, что больше ничего не знаю! Мост взорвали, наше дело – установить виновных. Сейчас разделимся на группы и на автобусах выдвинемся на место происшествия. Всем взять дежурные папки: будем опрашивать всех поголовно, кто под руку подвернется. И еще! Сейчас на место происшествия слетится начальство всех мастей. Если увидите хорошо одетого незнакомца, постарайтесь держаться от него подальше. С начальниками общаться буду я. Ваше дело – выполнять мои указания.

К мосту я ехал в одном автомобиле с Казачковым. По дороге он рассказывал:

– Когда-то, еще перед войной, за деревней Силино стали добывать щебень. На грузовиках много щебенки не вывезешь, вот и проложили от города до карьера одноколейную железнодорожную ветку. Лет пятнадцать или двадцать назад карьер закрыли, железную дорогу консервировали. Зачем кому-то понадобилось взрывать мост, я ума не приложу.

– Его точно взорвали? – недоверчиво спросил я. – Может быть, он сам от старости рухнул?

– Машинист по рации сообщил, что взорвали.

– Если карьер не работает, то зачем ночью в его сторону тепловоз гонять?

– Приедем на место – узнаем.

– Андрюха! – повернулся ко мне оперативник, фамилию которого я еще не запомнил. – Ты нам покажешь класс, как надо работать! Давно хотел посмотреть, как городские опера преступления раскрывают.

Все в салоне издевательски захохотали. Для местных ментов я был еще чужаком, темной лошадкой, неизвестно за что сосланной из областного центра в отдаленный поселок.

У самого моста дорогу нам преградили солдаты с автоматами наперевес.

– Кто такие? – нарочито грубо спросил старший наряда, невыспавшийся прыщавый ефрейтор-срочник.

– Я сейчас выйду из машины, дам тебе в рыло, и ты научишься звездочки на погонах считать, – прорычал через опущенное стекло Казачков.

– Выходи! – охотно согласился ефрейтор. – Поговорим.

Стоявшие рядом с ефрейтором солдаты направили на нас стволы автоматов.

«Кто его знает, что у них на уме? – подумал я. – Откроют огонь на поражение, от нашего «уазика» только дырявое решето останется. А вдруг это не солдаты, а переодетые диверсанты? Тогда нам хана. Свидетелей они не оставят».

– Что там у вас? – раздался строгий голос со стороны припаркованного у дороги армейского грузовика. – Кого вы остановили?

– Товарищ лейтенант! – обернулся к грузовику ефрейтор. – Здесь какие-то подозрительные личности в милицмейской форме. Документы показывать отказываются. Вдруг это те самые диверсанты, что мост взорвали?

– Какие еще диверсанты, что ты мелешь! – К нам подошел лейтенант с артиллерийскими эмблемами в петлицах. – Здравия желаю, товарищи! Предъявите документы.

– С этого бы и начинали, – недовольно пробурчал Казачков.

Лейтенант мельком глянул на его удостоверение и разрешил проехать к объекту.

– Серьезные дела творятся в нашем ауле, – заметил высмеявший меня опер. – Если солдаты успели все дороги перекрыть, то мост и вправду взорвали. Вадим Алексеевич, – обратился он к Казачкову, – мы без оружия выехали, а тут дело пахнет керосином!

– Глаза разуй! – огрызнулся начальник уголовного розыска. – Направо посмотри. Там солдат не меньше роты стоит, все с автоматами. Или ты от них отстреливаться собрался?

Словоохотливый опер обиженно замолчал.

У обрывистого берега реки мы остановились, вышли из автомобиля. Метрах в тридцати от нас, рядом с железнодорожным полотном, в группе штатских мужчин стоял начальник верхиланской милиции майор Гордеев. Заметив нас, он показал на тропинку, ведущую к реке. Мы, повинувшись его безмолвному указанию, спустились вниз.

– Вот как его взорвали! – воскликнул Казачков, рассматривая разрушенный мост. – Теперь не скоро пролет на место вернут. Мощный кран надо подгонять, лебедки устанавливать.

Я с любопытством неместного жителя крутил головой налево и направо, осматривая и мост, и крутые берега реки. Пейзаж был красивым, рухнувший пролет моста впечатлял.

Водная артерия Иланка называлась рекой, но на деле была неширокой мелководной речушкой. В том месте, где мы стояли, ширина речушки была не больше тридцати метров. Судя по тому, как ее уверенно переехал армейский грузовик, глубина Иланки не превышала метра. Оба берега реки были обрывистыми, что и потребовало возведения моста. Сам мост был трехопорным: две невысокие опоры сливались с берегами, одна посередине русла. Пролет моста с нашей стороны слетел с опоры и одним концом лежал в реке.

– Что я вам сейчас расскажу, в осадок выпадете! – весело сказал спустившийся к нам Гордеев. – Ни за что не догадаетесь, зачем тут ночью тепловоз прошел. Я даже представить не мог, что у нас на железной дороге такой бардак творится. Прикиньте, вечером на станцию к машинисту запасного тепловоза пришла любовница. Она говорит ему: «Со школьной скамьи мечтала на тепловозе ночью покататься!» Машинист не придумал ничего лучшего, как пере-

вести стрелку и проехать по нашей ветке. Думал за часок сгонять туда-обратно, а тут мост под ним взорвался. Стоит теперь, бедолага, на том берегу, не знает, что дальше делать.

– Раньше, чем мост починят, ему отсюда не перебраться, – усмехнулся Казачков. – Ничего не скажешь, ублажил любовницу. Что с ним теперь будет?

– Вкатают трешку за угон тепловоза и про любовницу не забудут.

– Семен Григорьевич, – спросил я, – установили, что с мостом?

– Взорвали, – уверенно ответил Гордеев. – Взрывотехники из КГБ осмотрели опоры, говорят, никаких следов свежего минирования нет. Взрыв был не сильный, но точно рассчитанный.

С той стороны реки раздался глухой ружейный выстрел. Через секунду рваной нитью застрочили автоматные очереди.

– Началось! – воскликнул озабоченный отсутствием оружия опер. – Диверсантов ловят?

– Какие, на хрен, диверсанты. – Гордеев с досады сплюнул в реку. – По-твоему, иностранные шпионы мосты минировать с охотничьими ружьями в руках?

– Ложись, сукин сын! – кричали на том берегу. – Сдавайся! Поднимай руки вверх и иди к нам!

– Нет желающих сходить на тот берег, посмотреть, что там к чему? – спросил начальник милиции. – Мыльников, ты у нас самый любопытный, так что давай, река тут неглубокая, воды не нахлебаешься.

– Семен Григорьевич, – заканючил мой обидчик, – а почему я-то? У меня туфли на скользкой подошве, я по камням не пройду.

– Вперед! – скомандовал Казачков. – Лишних вопросов не задавать, в перестрелку с диверсантами не вступать.

Поняв, за что наказан, опер полез в воду. Через пару минут, перейдя реку вброд, он выбрался на противоположный берег, поднялся на обрыв и скрылся из виду.

– Лаптев, – обратился начальник милиции ко мне, – ты парень городской, язык у тебя хорошо подвешен, как не опростоволоситься с областными тузами, знаешь. Останешься с Казачковым, будете у опоры моста прохаживаться, с умным видом следы преступления искать. Остальные, за мной! Будем подворный обход в деревне делать.

Мы с начальником уголовного розыска пошли вдоль берега реки, у опоры остановились.

– Смотри, кто-то свастику нарисовал, – сказал Казачков, указывая на среднюю опору. – Не имеет ли она отношения к взрыву?

– Ага, – с ехидцей согласился я, – в свастике вся суть. Только я вижу под ней надпись: «Манька шлюха!» – а у самого верха опоры кто-то слово из трех букв зеленой краской написал. На веревке человек спускался, шею свернуть рисковал, а все ради чего? Ради одного-единственного слова, в которое вложен яростный порыв бесшабашной русской души.

– Зря ты так, – не то шутя, не то нравоучительно возразил Казачков. – Все может иметь отношение к делу.

– Бесспорно! – подражая тону начальника, согласился я. – Пришел Манькин ухажер, прочитал, что про его зазнобу пишут, и взорвал опору. Ночью динамит заложил и рванул.

– Но кто-то же взорвал мост! – логично возразил мой начальник. – Какой-то смысл в его действиях был. Это же не курицу у соседки украсть, тут надо специальные познания иметь. Возьми меня – я не знаю, с какого конца детонатор в тол вставлять.

– Я тоже не знаю, – с сожалением вздохнул я. – Мне все время интересно, зачем люди с краской идут пешком за много километров, чтобы на заброшенном здании или тут, на мосту, наmaleвать пару слов. Кто их читать будет?

– В поселке на стенах матерки писать не станешь, а здесь – в самый раз!

Казачков призадумался, достал сигарету, закурил.

– Я, кажется, знаю, про какую Маньку речь идет, – осторожно предположил он. – Она в соседней деревне живет, смазливая такая, глазки черные, как два уголька. Замужем. Не знал, черт возьми, что она, оказывается, вертихвостка. Про порядочную женщину такого не напишут!

На полном ходу с противоположного берега в воду влетел армейский «Урал». Подняв фонтаны воды, грузовик пересек реку и, не останавливаясь, взобрался на крутой косогор. Через минуту к нам спустился приехавший на грузовике Мыльников.

– Туфта полная! – размахивая руками, затараторил он. – Мужик из деревни пошел на болото уток пострелять, все утро в засаде просидел, ни одного выстрела не сделал. Идет назад, а ему навстречу солдаты с автоматами. Мужик от страха нажал на курок, пальнул в землю, тут и началось! Но это еще не все! Наш, верх-иланский, молоковоз мимо проезжал. Водитель с экспедиторшей решили в кустах прилечь, поразвлечься, а тут – солдаты! Подняли их, прикладами в свой грузовик загнали.

– Куражатся солдатики, – сказал я. – В казарме скучно сидеть, а тут такое бесплатное развлечение! Будет что после дембеля вспомнить.

– Ты вот что, – обратился к Мыльникову начальник уголовного розыска, – беги в деревню, доложи обо всем Гордееву. Молоковоз надо на завод гнать, а то молоко пропадет.

– Почему опять мне? – запротестовал опер. – Я вымок весь, туфли разъехались. На мне места живого нет, и мне же в деревню бежать?

– А кто побежит, я, что ли? – наехал на опера Казачков. – Лаптев не местный, пока он деревню найдет, все молоко скиснет. Шуруй к Гордееву, умник хренов!

Матерясь через слово, опер полез на край обрыва.

Не успел он скрыться из виду, как со стороны леса раздался оглушительный рокот и свист лопастей, рассекающих воздух. Медленно и величественно над нашими головами прошел военный вертолет «Ми-8». Сделав круг над мостом, он застыл на одном месте, круто развернулся и умчался прочь. Стоило ли прилетать ради пары минут у взорванного объекта?

– В первый раз в наших краях вертолет вижу, – заметил Казачков.

Я хотел сказать, что в городе вертолеты тоже не каждый день летают, но заметил людей на мосту и промолчал.

– Это кто такие? – удивился Казачков. – Уверенно идут. Ремонтники, что ли? Да нет, не похоже.

Трое мужчин по уцелевшему пролету дошли до взорванной опоры, осмотрели ее, сфотографировали и тем же путем вернулись назад. Через полчаса нам скомандовали: «Отбой». Так ничего и не поняв в ночном происшествии, мы снялись с места и уехали в поселок.

Правда до нас дошла через неделю. Оказывается, взрыв моста был отголоском давних военных лет. В 1941 году, во время летнего наступления, немцы уверенно захватывали автомобильные и железнодорожные мосты. Ни один из них не был заминирован. Проанализировав результаты поражения, Генеральный штаб РККА издал приказ о минировании всех мостов на опасных направлениях. Каким-то образом в разрядку попал мост через речушку Иланку, протекающую в глухой сибирской провинции. Заминировать-то мост заминировали, а снять взрывчатку позабыли. Прошло много лет, оплетка на контактах взрывателя рассохлась и опала, оголив провода. По мосту пронесся случайный тепловоз, взрыватель вздрогнул, контакты соединились, и детонатор сработал. Удивительное дело: аккумулятор, гарантийный срок которого не превышал одного года, оставался в рабочем состоянии больше сорока лет!

С тех пор, проезжая по любому мосту через реку, я невольно шепчу про себя: «Спокойнее! После взрыва на Иланке все мосты в стране проверили. Бояться не надо. Никаких мин тут нет!»

Мой второй рабочий день в Верх-Иланском РОВД выдался насыщенным и ярким. После него потянулись серые однообразные будни.

2

В понедельник, 29 августа 1983 года, меня вызвал Гордеев. За приставным столиком у него сидели замполит отдела Зайцев и мой непосредственный шеф Казачков.

– Как жизнь, как настроение? – Гордеев жестом предложил мне сесть напротив замполита.

– Интересно, – усмехнулся я, – кто-нибудь у Ленина спрашивал в Шушенском, как у него дела?

– Оставь Ленина в покое, – автоматически пресек дальнейшее развитие темы замполит.

– Так всегда! Стоит мне провести параллель между Верх-Иланском и Шушенским, как мне тут же затыкают рот.

– Я вижу, ты стал веселее, чем в первые дни. – Гордеев достал сигареты, закурил.

– В первые дни меня глодала вселенская тоска. Скажу вам честно, я никогда себя так плохо не чувствовал, как два месяца назад. Это был просто ужас! Тоска, ностальгия по городу, по высоким домам, по асфальтированным улицам, по трамваям, по киоскам «Союзпечати». Тогда я для себя решил, что если в первый год не сопыюсь и не сойду с ума, то буду считать, что я с честью выдержал самое суровое испытание в моей жизни.

– Что-то я не замечал, чтобы ты приходил на работу с похмелья, – серьезно заметил Казачков.

– Я в городе жил в рабочем общежитии. Там каждый выходной – пьянка до потолка. Если бы я имел тягу к спиртному, я бы там спился. Поводов выпить в общежитии – предостаточно. Кстати, я тут, в ссылке, оказался из-за показаний одного алкоголика на кадровой комиссии областного УВД.

– Что ты постоянно бравируешь ссылкой! – раздраженно бросил замполит. – Никто тебя никуда не ссылал, тебя просто перевели на новое место работы¹.

– Семен Григорьевич свидетель, как меня «переводили»! Со мной на кадровой был мой друг, самый опытный инспектор уголовного розыска в нашем райотделе. Так вот, его «перевели» на гражданку. По собственному желанию. У нас выбора не было.

– Жестко с вами поступили, ничего не скажешь! – подтвердил Гордеев.

– Честно вам скажу, – как пылкий комсомолец, я прижал правую ладонь к сердцу, – если бы мне предложили остаться инспектором ОУР в городе или перевестись сюда начальником РОВД, я бы выбрал город. Поймите меня правильно – я родился и вырос в городе. Я всегда буду в сельской местности инородным телом. Я сижу иной раз, слушаю, как коллеги обсуждают, что в магазине нет сахара варенье варить, и мне дико становится. Я не ем варенье. Мне не нужно ведро смородины. Я никогда в жизни, по доброй воле, не стану обрезать усы у клубники. Я не понимаю смысла: зачем в огороде делать компостную кучу, если в каждом дворе есть корова?

– Оставим сельскохозяйственную тему, – предложил замполит. – Как ты устроился на новом месте? С соседями познакомился?

– Леонид Павлович! Я в школе милиции четыре года на казарменном положении прожил. Для меня комната в бараке – вполне сносное жилье. Тем более у моей комнаты отдельный выход на улицу. Даже крылечко есть.

– Ты еще палисадник под окнами не разбил? – засмеялся Казачков.

– Ни-за-что! Пусть под моими окнами растут сорняки. Я поклонник дикой природы. Растет у меня за окном хрен – пусть растет! Его поливать не надо. Осенью выкопаю и съем.

---

¹ Подробнее о причинах «ссылки» Андрея Лаптева в поселок Верх-Иланск – в книге Г. Сорокина «Смерть со школьной скамьи».

– Жениться еще не надумал? – по интонации начальника я понял, что это был последний вопрос на отвлеченную тему. Дальше должен последовать серьезный разговор.

– Не на ком! Как полюблю какую-нибудь доярку, так предложу ей руку и сердце.

– Что скажешь нам насчет гражданки Сурковой? – уже серьезно спросил Гордеев.

– Гражданка Суркова Инга Михайловна, 1956 года рождения, уроженка Красноярского края... вы про нее спрашиваете?

– Продолжай, – велел Гордеев.

– Я не знаю, что про нее рассказывать. Я жил с ней в одном общежитии, у нас были общие знакомые. Или вас интересуют ее отношения с покойным начальником Заводского РОВД Вьюгиным?²

– Она за что судима? – спросил замполит.

– Она не судима, я проверял.

– А как же все эти наколки? – Замполит провел у себя перед глазами.

– Инга в тринадцать лет убила свою мать и до совершеннолетия была изолирована от общества в спецучилище для девочек-преступниц, которые на момент совершения преступления не достигли возраста привлечения к уголовной ответственности. Все наколки она нанесла в спецучилище. Если вас конкретно интересуют ее веки, то на них наколото «Не буди!».

– Какие у нее отношения были с Вьюгиным? – деловым тоном спросил Гордеев.

– Через несколько лет после освобождения из спецучилища Инга познакомилась с Вьюгиным и стала его агентом-осведомителем. Ее рабочее дело должно храниться в ИЦ областного УВД. Если хотите, я могу запросить документы из архива и произвести ее повторную вербовку.

– Поговаривают, ты у нее не один раз ночевать оставался? – осуждающе спросил замполит.

Я через стол перегнулся к замполиту. Разговоры на личные темы всегда выводили меня из равновесия, но в присутствии руководства райотдела я не мог дать волю чувствам.

– Леонид Павлович, через гражданку Суркову я собираю сведения о преступном мире поселка Верх-Иланск. Ночью собираю или днем – это никого не касается.

– На тебя донос поступил, – вернул меня на место замполит. – Уважаемый человек пишет, так, мол, и так, ваш новый инспектор уголовного розыска спит с бывшей зэчкой. Здесь не город, Андрей Николаевич! Здесь с женщинами надо быть очень осторожным. А с такими, как Суркова, лучше всего общаться в официальной обстановке.

– Много он в официальной обстановке наработает! – заступился за меня Казачков. – Работа сыщика в том и состоит, чтобы общаться с преступным элементом на его территории, а не в служебном кабинете. Если Лаптев запросит ее рабочее дело и произведет вербовку Сурковой в установленном порядке, я думаю, что все вопросы к нему должны отпасть сами собой.

– Андрей Николаевич, где работает Суркова? – спросил Гордеев.

– Полы моет в Доме культуры.

– В ДК работают шесть детских секций. – Гордеев призадумался, про себя прикинул перспективы предстоящей вербовки Сурковой.

– Ее можно оформить агентом по линии несовершеннолетних, – предложил Казачков. – У нас как раз на этой линии яма получилась – два предыдущих агента сами сели. Я думаю, стоит санкционировать Лаптеву вербовку его знакомой.

– После праздника вернемся к этому вопросу, – подвел итог Гордеев. – Пока у нас на носу небывалые торжества.

– Какие торжества? – удивился я. – Праздник сбора урожая?

– Поумничать решил? – раздраженно спросил замполит.

---

² Подробнее о самоубийстве Вьюгина, о взаимоотношениях супругов Вьюгиных – в книге Г. Сорокина «Смерть со школьной скамьи».

– Отнюдь! В городе в сентябре месяце никаких праздников нет, а здесь, в сельской местности, вполне могут быть. Здесь, в Верх-Иланске, так праздновали День молодежи, что я на всю оставшуюся жизнь запомнил, а в городе я про такой праздник вообще не слышал!

Казачков после моих слов скривил губы, мол, с какого дикого края ты приехал, братец! Как же это так, не слышать о Дне молодежи? Главный летний праздник на селе. Круче, чем 9 Мая.

– Андрей Николаевич, ты газопровод видел, который из Томской области на Алтай тянут? – спросил Гордеев. – Одну ветку газопровода забросят к нам в поселок, и в Верх-Иланске появится собственный газ.

Я молчал, не понимая, куда он клонит. Ну и что с того, что в поселке все котельные переведут с угля на газ? Вселенский праздник устроим по этому поводу?

– В этом году на пенсию по состоянию здоровья уходит наш первый секретарь райкома партии Мирошниченко Антон Антонович. Фронтовик, ветеран, орденосец. Заслуженный человек. По его инициативе в поселке у памятника воинам, павшим в Великой Отечественной войне, первого сентября будет зажжен Вечный огонь.

– Понятно, – наконец-то догадался я. – Если есть источник бесперебойного газоснабжения, то можно зажечь Вечный огонь и оставить о себе вечную память в сердцах верхиланцев.

– Не надо все так утрировать, – вновь вступил в беседу замполит. – Он не в честь себя Вечный огонь зажигает, а в память обо всех погибших на войне.

– На открытие Вечного огня съедутся представители ветеранских организаций со всей области, – продолжил Гордеев. – От нас требуется образцовое обеспечение охраны общественного порядка.

– А почему мероприятие запланировано на первое сентября? Почему бы не зажечь Вечный огонь 9 Мая, в День Победы?

– До 9 Мая Мирошниченко не дотянет, а первое сентября – подходящая дата, день начала Второй мировой войны.

– Все это, конечно, очень здорово: праздник, Вечный огонь, пионеры с цветами, растроганные ветераны, троекратный салют холостыми патронами... Только при чем тут я?

– Тебе, Андрей Николаевич, надо составить план по охране общественного порядка.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! А я-то здесь при чем? У нас же есть в отделе инспектор по организации охраны общественного порядка, пускай он план и составляет. Я – сыщик, мое дело – воров ловить, а не стрелки на ватмане рисовать.

– Я не могу доверить составление такого важного плана штатному инспектору, – тоном, не терпящим возражений, заявил Гордеев. – Он нам такого насоставляет, что, случись какое происшествие, нас всех с работы выгонят. Мне нужен свежий реальный план, а наш инспектор одно и то же из года в год переписывает.

– Ты единственный в отделе, у кого есть высшее специальное образование, – вставил замполит. – Вспомнишь, чему тебя в школе милиции учили, и нарисуешь нам новый красивый план.

– У тебя по спецтактике какая оценка была? – спросил Гордеев.

– При чем тут спецтактика? Мы же не антиправительственную демонстрацию разгонять собираемся, а общественный порядок охранять. – Перспективы увязнуть в чужой работе совсем не радовали меня. – План по охране порядка совсем по-другому составляется.

– Андрей Николаевич, пройдут мероприятия, я тебе хорошую премию выпишу. Будет с чем к Сурковой зайти, когда ее вербовать надумаешь! – Гордеев первым засмеялся, мужики поддержали его.

Я вздохнул – план так план! За два вечера составлю.

– Кстати, – просмеявшись, спросил Казачков, – когда в этом году картошку копать будем, до дождей успеем?

– Должны успеть! – Замполит пододвинул к себе пепельницу, достал сигареты. – Надо только с транспортом вопрос заранее решить, а то получится неразбериха, как в прошлом году. Я забрал свой ежедневник со стола и пошел работать.

3

Ответственным за проведение церемонии зажжения Вечного огня от Верх-Иланского райкома партии был назначен инструктор райкома Заборский Николай Иванович. Во вторник утром я позвонил ему, чтобы согласовать основные мероприятия по охране общественного порядка.

– Я выслал вам наш план-сценарий по почте, – огорошил он меня.

Ну да ладно! Я парень не гордый, могу ногами поработать, если того требуют интересы дела.

Я вышел из райотдела, перешел через центральную площадь поселка, вошел в райком партии, нашел дверь с табличкой «Отдел идеологической работы». Постучался. Вошел.

В кабинете было два стола. За первым сидел мужчина лет сорока, седовласый, породистый, в костюме в серую полоску, при галстук. За вторым столом, шевеля губами, вычитывала текст худощавая женщина неопределенного возраста, с короткой стрижкой, одетая в деловом учрежденческом стиле: белый верх, черный низ. Неопределенным возрастом и белой блузкой без декоративных излишеств она напоминала строгую классную даму из кинофильмов о дореволюционной жизни девочек-гимназисток.

– Здравствуйте! – Я подошел к мужчине. – Меня зовут Лаптев Андрей Николаевич. Я пришел к вам за планом мероприятий по зажжению Вечного огня.

Если бы я сказал Заборскому, что настоящим отцом его является товарищ Суслов, член Политбюро ЦК КПСС, главный идеолог партии, то у него было бы такое же удивленное выражение лица. Невиданное дело в здешних краях – лично за бумагами приходиться!

– Я выслал вам план в установленном порядке, – растерянно пробормотал он.

– Товарищ Маяковский в одном своем стихотворении призывал трудящихся: «Ударь бюрократа кувалдой в лоб, вышиби дурь с него, сделай мир чище!»

– Молодой человек, – вступила в разговор дама, – во-первых, не стойте ко мне спиной, это некультурно. Во-вторых, я являюсь специалистом по творческому наследию Владимира Владимировича Маяковского. Ничего подобного он не писал.

– Если не писал, значит, думал написать! – Я сделал шаг назад, так, чтобы не стоять к даме спиной. – Вы чем здесь занимаетесь, товарищи? Вы мне *план* по почте послали или *меня* послали куда подальше? Ваш план из почтового отделения Верх-Иланска отвезут на сортировку в город, на главпочтамт, оттуда пришлют назад, сюда, в Верх-Иланск. Вся пересылка займет как минимум дней восемь. Я работаю от вас в трех шагах, у меня телефон есть.

– По инструкции мы должны отправлять служебные документы или курьером, или по почте, – упорствовал Заборский.

– Так в чем же проблема, Николай Иванович? Взяли бы план и принесли его мне лично.

– Молодой человек, – дама окончательно забросила читку текста и переключилась на меня, – это вы тот новенький инспектор уголовного розыска, которого к нам из города перевели? Скажите, вы в городе так же хамили всем подряд или в некоторых местах старались соблюдать правила приличия?

– Прошу прощения, не имею чести знать, как вас зовут! – Я изобразил легкий полупоклон в ее сторону.

– Меня зовут Бобоева Людмила Александровна, я тоже инструктор идеологического отдела. Вы не ответили на мой вопрос, товарищ Лаптев.

– Я всегда был очень культурным и вежливым человеком, но однажды мне на ногу упал кирпич, и я не смог проконтролировать свои эмоции. Мимо шла жена одного большого начальника. Она обиделась на меня, пожаловалась мужу, и меня выслали набираться ума-разума в главный культурный центр Западной Сибири – поселок Верх-Иланск. А здесь...

Как актер самодеятельного театра, я картинно развел руками, выждал секундную паузу и уже серьезным тоном, с оттенком скрытой угрозы, продолжил:

– ...здесь явно надуманные бюрократические препоны препятствуют претворению в жизнь мероприятий, одобренных лично товарищем Мирошниченко! – Я показал пальцем в потолок, хотя кабинет Мирошниченко находился на этом же этаже. – Мне сходить, пожаловаться Антону Антоновичу или мы придем к разумному компромиссу?

– Что вы от нас хотите? – нахмурившись, спросил Заборский. – У меня остался всего один экземпляр плана. Я не могу отдать вам свой экземпляр.

– Да не нужен мне *ваш* план! – воскликнул я. – Пойдемте на улицу, и вы на месте расскажете мне, где и какие мероприятия будут проходить. Сегодня хорошая погода. Самое время пройтись по родному поселку, выветрить из себя кабинетную пыль.

– Николай Иванович, – дама встала, одернула юбку, – пойдемте! Молодой человек прав, зачем делать проблемы там, где их нет?

– Вы будете записывать за нами? – поинтересовался Заборский. – Вам дать блокнот?

– Да нет. – Я даже опешил от его вопроса. В первый миг я подумал, что он так иронизирует, потом догадался, что Заборский говорит совершенно серьезно.

– Постараюсь так все запомнить, а если что-то надо будет уточнить, то вечером перезвоню вам или сам прибегу. Здесь, от меня до вас, метров пятьдесят, не больше.

Нехотя, всем своим видом демонстрируя, что занимается избыточной, ненужной работой, Николай Иванович взял папку с бумагами и первым вышел из кабинета. Бобоева подкрасила губы перед зеркалом, накинула легкий плащик и, постукивая каблучками, выпорхнула следом.

У приемной Мирошниченко Людмила Александровна остановилась.

– Надежда Петровна, – обратилась она к секретарю Мирошниченко, – отметьте, пожалуйста, мы с Николаем Ивановичем пошли на «выездное» мероприятие.

Бобоева обернулась, посмотрела на меня.

– Сегодня мы будем работать с комсомольским активом нашего РОВД.

На улице Людмила Александровна взяла меня под руку. Кожа на кисти руки у нее была еще гладкой, но вся в синих прожилках вен и мелких, едва намечающихся пигментных пятнах.

«Ей примерно сорок пять, – прикинул я. – Наверняка не замужем. Если она действительно специалистка по творчеству Маяковского, то представляю, какой у нее бардак в голове».

Мы вышли на середину центральной и единственной площади Верх-Иланска.

– Первая часть мероприятий начнется у памятника воинам, павшим в боях Великой Отечественной войны, – как заправский экскурсовод, хорошо поставленным голосом начала вводить меня в курс дела Бобоева. – Пройдемте к нему.

Мы пересекли площадь, остановились у небольшого сквера. Памятник погибшим воинам был бетонным безвкусным изваянием метра четыре высотой. У его подножия, на постаменте из шлифованного мрамора, сверкала на солнце латунная звезда с отверстием горелки посередине.

– Вокруг памятника буквой «П» мы построим школьников старших классов и пионеров. – Людмила Александровна обвела рукой пространство вокруг постамента. – Здесь отдельной группой будут стоять приглашенные со всей области ветераны, а вот здесь – делегация от наших верх-иланских ветеранов. Официальные лица и товарищ Мирошниченко встанут напротив памятника. Все желающие присутствовать при церемонии зажжения Вечного огня разместятся позади школьников и ветеранов. Угол слева от памятника мы зарезервировали для представителей областного радио и телевидения.

– Оркестр встанет справа у входа в сквер, – уточнил Заборский.

– Кто будет зажигать Вечный огонь? – спросил я.

Райкомовские инструкторы, пряча снисходительные улыбки, переглянулись. В их взглядах читалось: «Вот ведь деревенщина, а строит из себя черт знает кого!»

– Вечный огонь будет зажигать товарищ Мирошниченко.

– Я сейчас объясню вам, для чего это спрашиваю. – Я подошел к латунной звезде, заглянул внутрь. – Я регулярно прохожу мимо этого памятника, но еще ни разу не видел, чтобы здесь шли земляные работы. Как заливали постамент и устанавливали звезду, я видел, а вот чтобы тут рыли траншею и укладывали трубы – нет. Каким образом будет зажжен Вечный огонь, если к нему не подведен газопровод?

– Газопровод к первому сентября мы провести никак не успеем. – Заборский достал сигареты, угощая, протянул пачку мне. – Вечный огонь мы зажжем от газового баллона.

– В сквере мы разобьем палатку, – уточнила Бобоева, – из нее пробросим шланг и подключим газ по временному каналу.

– А насколько это будет надежно? – с сомнением в голосе спросил я. – А как вы собираетесь определить, в какой момент подать газ? Представьте, Мирошниченко замешкается у постамент, подойдет к звезде с зажженным факелом, а из земли уже фонтаном бьет невидимый газ.

Бобоева и Заборский посерьезнели. Николай Иванович щелчком отшвырнул недокуренную сигарету, Людмила Александровна поправила отворот блузки.

– Мирошниченко семьдесят восемь лет, он ходит, опираясь на тросточку.

Я присел у звезды, попробовал определить, откуда будет поступать газ в горелку, но ничего в ее устройстве не понял.

– Представьте, – выпрямился я, – как у всех на глазах первый секретарь райкома партии вспыхнет живым факелом. Или взорвется.

– Газовики обещали нам идеальную синхронность в подаче газа и...

– Вот здесь, – перебил я Бобоеву, – возле столба, надо поставить некую тумбу. На нее встанет человек и сверху, через головы всех собравшихся, будет наблюдать, как Мирошниченко подходит к огню.

Я отошел от постамент, встал на место, откуда в четверг главный партийный босс Верх-Иланска начнет свой путь к Вечному огню.

– Итак, он двинулся! – Я сделал несколько шагов. – Человек на тумбе подал знак газовикам в палатке: «Приготовиться!»

Заборский достал из папки лист бумаги и стал записывать за мной.

– Здесь стоят два пионера с зажженными заранее факелами. – Я показал на место, где должны стоять пионеры.

– У нас в сценарии нет пионеров, – заметил Заборский.

– Ваш сценарий плохо проработан. Отведя Мирошниченко в церемонии зажжения Вечного огня центральную роль, вы не продумали вопрос: как с зажженным факелом хромой старик будет идти через всю площадь? Кто ему зажжет факел? Вы, Николай Иванович, будете спичками чиркать?

– Николай Иванович, а ведь товарищ Лаптев дело говорит, – согласилась с моими доводами Бобоева. – Давайте сделаем так: Антон Антонович подойдет к пионерам, «прикурит» от их факелов свой, и ему останется сделать до Вечного огня только пару шагов.

– Как только он «прикурит» свой факел, – сказал я, – человек на тумбе даст газовикам знак открыть вентиль, газ поступит в горелку, и Мирошниченко зажжет Вечный огонь без всяких никому не нужных эксцессов.

– Так я записываю? – обратился к нам Заборский. – Двое пионеров в парадной форме держат заранее зажженные факелы...

– Нет-нет! – возразила Бобоева. – Вместо пионеров надо будет поставить комсомольцев. На детей в важных мероприятиях никогда нельзя надеяться: то они писать захотят, то устанут факел держать.

«Своих детей у нее нет, – автоматически отметил я. – Кто хоть раз бегал по закоулкам, искал, куда пристроить захотевшего в туалет ребенка, тот никогда не скажет, что это произошло не вовремя. У детей все происходит не вовремя – на то они и дети».

– Поставим вместо пионеров активистов из рабочей молодежи, – согласился Заборский.

При слове «активисты» я невольно поморщился. Ничего хорошего за свою жизнь я от активистов не видел. Проблем они создают много, а толку от них – никакого. Суэта одна, показуха, шум, понты!

Закончив планирование на месте будущего Вечного огня, мы перешли на другую сторону площади, где стоял Дом культуры.

– Сколько я ни смотрю на этот Дом культуры, – обратился я к партработникам, – никак не могу понять, зачем в таком небольшом малоэтажном поселке, как Верх-Иланск, построили такое огромное помпезное сооружение. Здесь оно смотрится как пирамида Хеопса посреди заполярной тундры.

– Наш ДК строили в сталинские времена, с заделом на будущее, – охотно стала пояснять Бобоева. – По генеральному плану развития Верх-Иланского района наш поселок должен был разрастись до размеров города с населением в пятьдесят тысяч.

– А что случилось, почему население перестало прибывать? – спросил я.

– Сталин помер, – усмехнулся Заборский.

– А если серьезно?

– Так я серьезно и отвечаю! Сразу же после войны недалеко от нашего поселка было три большие исправительно-трудовые колонии, или зоны, как говорят. Первая – сельскохозяйственная колония общего типа, вторая – лесоповальная зона для особо опасных преступников и третья – колония с основным упором на производство строительных материалов и кирпичей. «Строительная» зона имела свой глиняный карьер и завод с двумя цехами по изготовлению и обжигу кирпичей. На третьей зоне и в карьере работали пленные немцы. После смерти Сталина и двух амнистий пятидесятых годов лесоповальную зону прикрыли – работать на ней стало некому. Сельскохозяйственную зону преобразовали в совхоз «Заря коммунизма». В 1950 году всех военнопленных немцев отправили домой, и производство стройматериалов в нашем поселке также прекратилось. Но пока все три зоны процветали, в Верх-Иланске население только прибывало. Сам представь, – Заборский, незаметно для себя, перешел в обращении ко мне на «ты», – все сотрудники колоний и все члены их семей проживали тут. Плюс обслуживающий персонал, плюс гражданские специалисты. Когда зоны прикрыли, из Верх-Иланска выехало тысяч шесть-семь сотрудников МВД и членов их семей.

– Наш ДК, – вступила в разговор Бобоева, – по первоначальному типовому проекту назывался Дом культуры сотрудников НКВД и членов их семей. Начинали его строить ээки, а заканчивали пленные немцы. После расформирования строительной колонии документация на здание ДК была утеряна.

– Так в нем действительно может быть подземный ход? – спросил я, по-новому рассматривая единственную местную достопримечательность.

– Да черт его знает, что в нем есть! – пожала плечами Людмила Александровна. – Документации же нет, поэтажный план утерян.

– Да нет в нем никакого подземного хода, – уверенно заявил Заборский. – Куда бы из него подземный ход вел?

– Мне рассказывали, – оживился я, – что по подземному ходу можно выйти из ДК в один из домов частного сектора рядом с ним.

– Не верь всякой ерунде, – отмахнулся от моих предположений Заборский. – ДК столько лет стоит, что давно бы уже все стало известно. Шила в мешке не утаишь! Хозяин частного дома, куда бы выходил подземный ход, давно бы проболтался.

– Николай Иванович, не будьте таким скептиком! – возразила Бобоева. – В потайные комнаты тоже никто не верил, однако все подтвердилось.

– Ничего не подтвердилось!

– У нас вот какое происшествие было, – стала рассказывать мне Бобоева. – Пять лет назад стали делать ремонт на цокольном этаже и решили расширить мужской туалет. Снесли стену между туалетом и подвалом и обнаружили потайную комнату, а в ней – замурованный мертвец. Вернее, кости.

– Людмила Александровна, – не желал сдаваться Заборский, – там комната всего два на два метра, и из нее никаких ходов никуда нет. Эту «комнату» специально зэки сделали, чтобы в ней какого-то стукача замуровать. На любом крупном строительстве в сталинские времена авторитетные зэки своих врагов живьем замуровывали. У мертвеца, которого в нашем ДК нашли, руки были связаны и кляп в рот вбит.

– Это примерно в каком году его замуровали? – спросил я.

– Первый этаж начали строить в 1939 году. Во время войны строительство прекратилась, а в 1947 году возобновилось. Где-то в эти годы нашего мертвеца и замуровали.

– А что с ним потом стало?

– Кости сложили в коробку да на кладбище закопали. Не на свалку же их везти!

Мы подошли к Дому культуры.

– Посмотри на фигуры строителей коммунизма на втором этаже, – предложил Заборский. – Особенно присмотришься к человеку со знаменем.

По фасаду здания, над входом, был барельеф, на котором навстречу друг другу шли две группы людей по три человека. Слева первым шел знаменосец, за ним – женщина с копной пшеничных колосьев, за ними – шахтер с отбойным молотком на плече.

Бобоева вошла в ДК, а меня Заборский отвел на угол здания.

– Теперь посмотри на знаменосца отсюда! – сказал он и рассмеялся.

Под другим углом зрения было отчетливо видно, что знаменосец, держащий знамя в правой руке, левой рукой, опущенной вниз, гладит крестьянку по бедру.

– Зэки строили, что ты хочешь! В народе эта композиция называется «Хитрый знаменосец».

– Здорово сделано, с душой!

– Пошли внутрь, там тебе еще один фокус покажу.

4

На вахте в ДК несла дежурство Кристина Ригель, старушка-немка из спецпереселенцев.

В Верх-Иланске проживало много немцев. Все они либо спецпереселенцы, либо их потомки. Спецпереселенцами называли советских граждан немецкой национальности, до войны проживавших на Украине и в Поволжье. С началом боевых действий с нацистской Германией всех немцев интернировали из западных районов СССР в Сибирь и Казахстан. На прежнем месте проживания не осталось ни одного человека. В начале 1960-х годов спецпереселенцам разрешили вернуться в европейскую часть Советского Союза. Но куда ехать, если от прежних домов либо ничего не осталось, либо они были заняты новыми хозяевами?

«Остаемся здесь, в Сибири!» – решили немцы.

Когда я учился в школе, у нас в каждом классе было как минимум по одному-два человека с немецкими фамилиями.

– Здравствуйте! – поприветствовал я вахтершу. – Кто будет первого числа дежурить?

– Я буду. Остальным надо детей в школу провожать.

– Пошли наверх, – сказала Бобоева, – наши мероприятия после зажжения Вечного огня продолжатся там.

Я осмотрел фойе Дома культуры: два входа в зрительный зал, буфетная стойка, спуск на цокольный этаж и лестницы наверх.

Второй этаж начинался с просторного холла. Внутреннюю стену, отделяющую холл от остальных помещений, украшала нарисованная по штукатурке картина, запечатлевшая выступление Ленина перед матросами, солдатами, крестьянами, комсомольцами и революционерами в кожаных тужурках. Что-то, на первый взгляд незаметное, было в этой картине не так, что-то выбивалось из общей композиции.

– Как картина? – вполголоса, заговорщицким тоном спросил Заборский.

– Я уже видел ее и никак не пойму, что в ней не так.

– Мальчик и солдаты на заднем плане.

Я подошел поближе и едва не рассмеялся: мальчик в пионерском галстуке в самом углу картины держал в руках игрушечную космическую ракету с надписью «СССР». Два солдата, приветственно махавшие Ленину фуражками, были в военной форме образца шестидесятых годов.

– Что все это означает? – спросил я Заборского.

– Картину рисовал один известный художник. Она должна была изображать выступление Хрущева перед колхозниками. Когда в эскизном варианте картина была закончена и художник начал прорисовывать людей около трибуны, товарища Хрущева сняли со всех постов и отправили на пенсию. Тогдашний первый секретарь райкома партии товарищ Малько предложил все нарисованное затереть и создать новое панно, но этому воспротивился председатель райисполкома – деньги-то художнику уже уплачены, эскиз утвержден, на полную переделку в районной казне денег просто нет. Посоветовались с художником, и он предложил вместо Хрущева изобразить Ленина, а колхозников перерисовать в солдат и матросов.

– А почему решили поменять Хрущева на Ленина, а не на Брежнева? Пусть бы это Леонид Ильич перед колхозниками выступал.

– В 1964 году Брежнев был всего лишь одним из трех лидеров партии. Представь, нарисовали бы Брежнева, а его через пару лет сменил бы Подгорный, или Косыгин, или еще кто-нибудь. Что, прикажешь картину под каждого нового генсека перерисовывать? Решили остановиться на Ленине. Он всегда актуален, он всегда живет всех живых.

– Дальше попробую сам сообразить... Художнику за переделку картины не заплатили, и он, в качестве мелкой мести, оставил несколько фигур в первоначальном варианте. Так?

– Молодец, отличная логика! – похвалил Николай Иванович.

– Картину обсуждаете? – подошла к нам Бобоева. – Все каверзы нашли?

– Два солдата и мальчик, – ответил я.

– И это все? Эх вы, а еще мужчинами называетесь! Присмотритесь к комсомолке в красной косынке – у нее губы накрашены и глаза подведены.

Я нашел комсомолку на панно и чуть не ляпнул: «Действительно, она размалевана, как дешевая проститутка!» – но, слава богу, вовремя осекся – товарищ Бобоева тоже пользовалась косметикой, и мое высказывание о проститутках могла бы неправильно истолковать.

– Вот здесь, в фойе перед малым залом, мы расставим столы для торжественного обеда в честь зажжения Вечного огня, – сказала Бобоева. – Приглашенными на обед будут представители ветеранских организаций области и наше районное руководство. Планируемое время обеда с 13 до 15 часов. Потом один час на перерыв, уборку зала, и в 16 часов мы накроем столы для верх-иланских ветеранов войны и представителей общественных организаций. Председательствовать на первой части товарищеского обеда будет товарищ Мирошниченко, на второй – Паксеев Юрий Иосифович, председатель совета ветеранов Верх-Иланска.

Из дверей малого зала вышел Михаил Антонов, подрабатывающий в ДК электриком. На плече у него была рабочая сумка, в руках моток провода и пассатижи. Буркнув нам «здравствуйте», он ушел вниз, мимоходом одарив меня неприязненным взглядом. Понятия не имею, что могла сказать ему Маринка о наших отношениях, но я Антонову не нравился. Я же, в свою очередь, не стремился установить с ним нормальные отношения. Не нравлюсь я ему, да и плевать, кто он такой, чтобы я перед ним выгибался? Спал я с его дочкой, и что с того? Я ей клятву верности не давал и жениться на ней не обещал.

Михаилу Ильичу Антонову был 61 год. Ростом он на полголовы ниже меня, но в плечах заметно шире, приземистее. В его фигуре чувствовалась большая физическая сила широко-костного мужчины, много лет занимавшегося тяжелым физическим трудом. Кисти рук у Антонова были похожи на клешни краба – такие же большие и огрубевшие. На левой руке лагерная татуировка: восходящее солнце и подпись «Сибирь». Черты лица у Михаила Ильича были под стать всей остальной фигуре – крупные, грубые: большой мясистый нос, густые, как у Брежнева, брови, толстые губы. Я ни разу не видел Антонова улыбающимся или просто в хорошем настроении. Он всегда был мрачен, сосредоточен на чем-то своем, неприветлив и малословен.

22 июня 1941 года Антонов встретил в Челябинске, где работал электриком на танковом заводе. В течение двух лет он, как хороший специалист, имел «бронь», но после сражения на Курской дуге личного состава в Красной армии стало не хватать, поэтому были мобилизованы все мужчины, которых можно было заменить на рабочем месте женщинами или подростками. Во время войны Антонов попал в плен и был освобожден американскими войсками. О его пребывании в плену, чем он там занимался и где содержался, известно ничего не было. По возвращении на Родину ему, как побывавшему в плену, впаили десять лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовом лагере строгого режима. Весь срок, от звонка до звонка, Михаил Ильич отбыл на лесоповале. После освобождения в Челябинск он не вернулся, осел в Верх-Иланске.

У Михаила Ильича было трое детей: Петр, Марина и Наталья.

Петру месяц назад исполнилось 25 лет. Он был холост и считался завидным женихом. Вернее, не так – он был *стандартный жених*, эталонный. Петр отслужил в армии, работал водителем на молоковозе. Он был широкоплечий и мощный, как отец, но гораздо выше ростом. У Петра были славянские черты лица, густая грива русских волос и голубые глаза. По характеру он был спокойный, приветливый, с чувством юмора. По выходным, как и все мужики в Верх-Иланске, выпивал, но пьяным не напивался. Женившись, Петр будет хорошим семьянином, вся жизнь которого потечет размеренно, однообразно и скучно: пять дней в неделе за баранкой, в пятницу, после работы, сто грамм с друзьями и графинчик водки за семейным столом. В

субботу баня и супружеский долг (любовь, во всех ее проявлениях, предусмотрена в этом графике только один раз в неделю). В воскресенье футбол по телевизору или работа по хозяйству.

К такому же типу семейной жизни будет стремиться его сестра Марина. Я нисколько не сомневаюсь, что она будет мне хорошей женой, но сама перспектива потонуть в общепринятых стандартах быта и поведения пугала меня. Я не хочу быть сдержанным в своих чувствах и жить с постоянной оглядкой на окружающих. Мне всегда не нравилась та напускная холодность, которая появлялась между моими родителями в присутствии посторонних – они словно стеснялись показать, что любят друг друга. Невинный поцелуй на улице был для них поступком совершенно невозможным, выходящим за рамки приличия.

На фиг такую жизнь – одни условности! Я враг условностей. Я хочу любить свою жену, когда захочу и где захочу. Плевал я на вырезанные в граните нормы морали – сами по ним живите. По субботам. После бани.

В малом зале, выведя меня из размышлений о семье Антоновых, раздался лихой посвист и стук каблучков о сцену – там началась репетиция верх-иланского ансамбля народного творчества.

– Зайдем, посмотрим репетицию? – предложил Заборский.

– Нет, нет! – воспротивился я. – Давайте лучше проверим другие помещения, обезопасим себя со всех сторон. Мне бы лично не хотелось, чтобы какой-нибудь алкаш выполз к ветеранам и испортил им праздник. Здесь, на этом этаже, кроме помещений, которые занимает ансамбль песни и пляски, что еще есть?

– Библиотека, кабинет директора ДК и музей боевой славы. Музей должен быть закрыт.

– Давайте бегло, для порядка, осмотрим все помещения, вернемся вниз и пройдемся по цокольному этажу.

Инструкторы райкома, недовольно поглядывая на часы, согласились. Энтузиазм заниматься планированием обеспечения охраны общественного порядка иссякал у них с каждой минутой – время близилось к обеду, священному часу приема пищи.

Директор ДК, Дегтярев Вячеслав Федорович, встретил нас с распростертыми объятьями.

– Здравствуйте, товарищи! Осматриваете предстоящее поле битвы? – Дегтярев поочередно пожал нам руки. – Чаю не желаете?

Вячеслав Федорович был на пять лет старше Михаила Антонова. Невысокого роста, худощавый, с редкими жиденькими волосами, он был подвижным и полным энергии активистом. На людях Дегтярев всегда появлялся в пиджаке с орденом Красной Звезды на груди.

От директора ДК мы прошли в библиотеку, где за столом в ожидании посетителей сидела тихая и неприметная библиотечка – Наталья Антонова, младшая дочь Михаила Ильича.

Наташе было двадцать лет. Среднего роста, миловидная, кареглазая, с модной стрижкой «итальянка», она производила впечатление девушки меланхоличной, отрешенной от мира сего, вечно пребывающей в своих никому не ведомых далях. Когда Наташа разговаривала с мужчинами, с ее губ не сходила легкая ироничная улыбка, за которой скрывалось непонятно что: то ли полное презрение ко всем лицам мужского пола, то ли бушующая в глубине души любовная страсть, которой никогда не суждено вырваться наружу. Ее снисходительная улыбка выводила меня из себя. Мне хотелось встряхнуть ее и сказать: «Наташа, ты своими ухмылками меня когда-нибудь доведешь до греха! Не буди во мне первобытные чувства, не испытывай меня на прочность».

Как-то раз мне приснилось, что я насилую Наталью, а она извивается подо мной, стонет от наслаждения, кусается и царапается. Надо же так совпасть, что утром после этого сна я встретил ее на улице. Мы на ходу поприветствовали друг друга и разошлись, но я успел перехватить ее многозначительную улыбку. Клянусь, в этот миг я был уверен, что этой ночью нам снился один и тот же сон.

Все трое детей Михаила Антонова настолько сильно отличались друг от друга характерами, словно воспитывались в разных семьях. Сын Петр был рубаха-парень, простой и открытый. Маринка – себе на уме, расчетливая, временами взбалмошная и психованная. Наталья – с виду инертная, застенчивая девушка. Даже внешне дети в семье Антоновых разнились: Петр – русоволосый, Маринка – светло-рыжая, Наталья – кареглазая брюнетка. По закону Менделя, она никак не могла быть родной дочерью голубоглазого Михаила Ильича.

После библиотеки мы спустились в цокольный, полуподвальный этаж. Все помещения в нем сообщались между собой подковообразным коридором. Центральную часть цокольного этажа занимали трубы системы отопления и автономная котельная.

В момент нашего прихода в самом большом полуподвальном помещении завхоз ДК собрала на «летучку» подчиненный ей персонал: техник, подсобных рабочих, электриков и сантехников. При нашем появлении шум голосов на собрании смолк.

– Что обсуждаем, товарищи? – спросил Заборский.

– Кому оставаться на сверхурочные работы первого сентября, – за всех ответила завхоз.

– Анастасия Павловна, – обратилась к ней Бобоева, – покажите товарищу Лаптеву цокольный этаж. Он осмолит его в плане безопасности мероприятий на первое сентября.

– Вы уходите? – обернулся я к инструкторам.

– Пожалуй, пойдем, – ответил Николай Иванович. – Основные помещения мы проверили, мероприятия на площади согласовали, а здесь, в подвале, вам Анастасия Павловна все покажет.

Завхоз первым делом повела меня в левую сторону цокольного этажа.

– Тут у нас занимаются секции детского творчества. – Анастасия Павловна показала на ряд кабинетов с табличками на дверях. – С другой стороны расположены мастерская художника ДК, пошивочная мастерская по изготовлению костюмов для ансамбля, электрошитовая, шахматно-шашечный клуб.

В крыло, где располагались детские секции, спустился представительный мужчина лет тридцати пяти в костюме, при галстукe. Очки в толстой оправе и аккуратная прическа придавали ему интеллигентный вид. Это был Седов Анатолий Сергеевич. Он работал учителем истории в школе, а в свободное время руководил детским радиотехническим кружком.

– Когда открываться думаете? – спросила его завхоз.

– Числа после десятого начнем работать. Пока учебный год не наступит, ребятню в ДК не затащишь, все на улице бегают, последними свободными деньками наслаждаются... Картошку в поле не пробовали подкапывать, Анастасия Павловна?

– Муж ездил, ведро привез, вроде бы ничего.

Как только начался разговор об урожае, я вернулся к выходу с цокольного этажа, вызвал Ингу с собрания.

– Не подскажешь, кто мог просигнализировать моему руководству, что я у тебя оставался на ночь?

– Без малейшего понятия. Андрей, поселок маленький, завистливых бабенок много. Кто угодно мог кляузу накатать, даже та, на кого роду не подумает.

– На меня мужик донос написал, не женщина.

– Тогда тем более не знаю. – Она честно, открыто посмотрела мне в глаза, и я понял – врет. Знает, кто написал, но не хочет выдавать этого человека.

Вечером того же дня один словоохотливый старичок, сосед Инги по улице, рассказал мне, что к ней под разными предложениями стал заходить Паксеев, пенсионер еще крепкий, к женскому полу не остывший.

«Вот ведь кобель старый! – подумал я. – Хочешь с ней любовь крутить, кто же тебе не дает? Инга мне не подруга и не любовница, я не собираюсь от нее мужиков палкой отгонять. Мало, что ли, в Верх-Иланске незамужних женщин, чтобы мне за Ингу держаться?»

5

Первого сентября стояла сухая солнечная погода. Намечавшийся накануне дождь так и не начался, все опасения, что на площади придется стоять в лужах, не подтвердились.

Гости мероприятия – представители ветеранских организаций области стали прибывать с самого утра. Для тех, кто приехал слишком рано, в ДК организовали выступление верх-иланского хора. Областное радио и телевидение отказалось посылать своих представителей в Верх-Иланск, предоставив право освещать церемонию открытия Вечного огня корреспондентам местной районной газеты.

К 11 часам площадь перед памятником воинам, павшим в Великой Отечественной войне, была заполнена народом, все приглашенные и участвующие в церемонии заняли свои места. Ветераны войны стали напротив памятника: слева отдельной группой – приглашенные ветераны, справа – местные. Между ними, как связующее звено, райкомовские работники. У столба по моему предложению была установлена тумба, на которую взобрался водитель председателя райисполкома, молодой парень, недавно пришедший из армии. В белой рубашке с пионерским галстуком, он держал в руках горн.

Мирошниченко и сопровождающие его лица появились ровно в одиннадцать. Как только они вступили на площадь, из громкоговорителей на площади зазвучала музыка – церемония началась.

Стоя в стороне, я наблюдал за ветеранами войны, для которых, по идее, и было организовано это мероприятие. Ветераны помоложе, особенно приезжие, с интересом рассматривали ножки старшекласниц в коротких школьных платьях. Другие ветераны посматривали на часы, прикидывали, сколько времени осталось до праздничного обеда. Сама церемония зажжения Вечного огня и торжественная речь товарища Мирошниченко никого не интересовали. Всем присутствующим было понятно, что Вечный огонь Мирошниченко зажигает в честь самого себя, дабы увековечить память о себе, а не о неких безымянных воинах, павших на полях сражений с гитлеровской Германией.

В полдень Мирошниченко двинулся через площадь с факелом. «Пионер» на тумбе вскинул горн. Два комсомольца с зажженными факелами встретились с первым секретарем райкома партии в двух шагах от памятника. Антон Антонович зажег от их факелов свой факел, подошел к постаменту и без осечек и эксцессов зажег Вечный огонь. Над площадью зазвучал гимн СССР. Я пошел перекусить, пока было время.

В три часа дня меня вызвал к себе Гордеев.

– До какого часа они будут там праздновать? – спросил он, имея в виду ветеранов в ДК.

– Иногородные должны сейчас уехать. В 16.00 за столы сядут наши ветераны. По сценарию торжественный обед должен закончиться в 18.00, но если старички засидятся за столом, то им дадут еще час времени. На 19 часов запланирована уборка зала...

У Гордеева на столе зазвонил телефон. Он, поморщившись как от приступа изжоги, поднял трубку:

– Что случилось? Драка? Прямо в ДК? Мать его, только этого нам не хватало!

Гордеев с раздражением бросил трубку, нажал интерком связи с дежурной частью:

– Вышли один экипаж охраны к ДК и вызови ко мне замполита и Казачкова.

– Ветераны подрались? – спросил я.

– Иди в ДК и реши все вопросы на месте! – приказал Гордеев.

Тяжело вздохнув, я поднялся с места. Не дело это – инспектору уголовного розыска разбором драк заниматься! Для этого целая служба участковых инспекторов милиции есть.

– Андрей, – видя мое недовольство, сказал Гордеев, – ты у меня самый молодой офицер, но чуть ли не самый опытный. Ты – мой резерв на случай непредвиденных ситуаций. Иди в ДК

и вернись ко мне с рапортом, что все проблемы улажены. Если там случилось что-то серьезное, запрашивай помощь.

Я пошел к двери.

– Андрей Николаевич! – громко и весело сказал мне вслед начальник РОВД. – Партия и советское правительство с надеждой смотрят на тебя! Комсомол на тебя смотрит. Я на тебя смотрю...

Кто еще смотрит на меня, я не дослушал – вышел за дверь.

На первом этаже ДК было немногочленно. Двое участковых инспекторов милиции разогнали всех ненужных людей: кого – на улицу, кого – на второй этаж, кого – на цокольный. Увидев меня, один из участковых подошел с докладом.

– Некто Сыч, иногородний ветеран, оскорбил нашего старика по фамилии Трушкин и получил от него в нос. Трушкин нами задержан и сейчас сидит в служебном помещении на цокольном этаже. Сычу врач оказывает первую помощь.

– Из-за чего возникла драка? – спросил я.

– Да какая там драка! Слово за слово, повздорили. Трушкин ему двинул по носу, и их тут же разняли.

– И все-таки? Люди в таком возрасте ни с того ни с сего кулаками не машут.

– Причиной ссоры стал давний конфликт между «нашими» и «вашими». Сыч – ваш, а Николай Анисимович – наш, вот они и повздорили.

Я обернулся. За моей спиной стоял Паксеев, председатель Верх-Иланского совета ветеранов.

– «Наши» и «ваши» – это кто? – спросил я. – «Наши» – это верх-иланские, а «ваши» – это городские?

По интонации Паксеева я чувствовал, что «ваши» каким-то образом имеют отношение и ко мне.

– «Ваши» – это те, кто на фронте ни дня не был, а всю войну в войсках НКВД отсиживался, зэков в лагерях охранял. А наши – это фронтовики, окопники. Орденоносцы!

От Паксеева несло водкой. Каждое слово он произносил с нескрываемым презрением. Хорошо, что я накануне узнал о его связи с Ингой, а так бы стоял как дурачок, хлопал глазками и не понимал, с чего бы это на меня вдруг взъялся почтенный, уважаемый всеми ветеран.

– А есть еще не «наши» и не «ваши», – продолжил он, – а так себе, непонятно кто. Такие, как твой тесть, например.

Мне захотелось так двинуть Паксееву в челюсть, чтобы он отлетел к стойке вахты и валялся там до моего ухода. Ненавижу, когда кто-то лезет в мои личные дела.

– А мой тесть – это кто? – стараясь оставаться спокойным, спросил я.

– Вон стоит в углу, зыркает на всех, как зверюга. – Юрий Иосифович кивнул в сторону буфета. Я посмотрел, куда он указывал. У буфетной стойки стоял, хмуро поглядывая на Сыча, Михаил Антонов.

– Понятно, про кого речь. – Я облизнул пересохшие губы. – У него две дочери, какая же из них моя жена?

– Рыжая, конечно! Младшенькая-то у него совсем малахольная, ей бы еще в бирюльки играть, а она уже на работу вышла, мужикам глазки строить. Только ничего у нее здесь не получится. Лучше бы она к вам в милицию шла работать, там кобелей побольше, кто-нибудь да позарится на ее кривые ноги.

«Врет, сволочь», – автоматически отметил я. – Нормальные у Наташки ноги, ровные. Это у Инги ноги чуть-чуть кривые, рахитные. На свалке же выросла, там витаминов с самого рождения не хватало».

С лестницы второго этажа раздался цокот каблучков. К нам легкой походкой спустилась нарядно одетая Бобоева.

– Где Трушкин? – властно спросила она.

– В подвале, – сквозь зубы процедил Паксеев.

Вслед за Бобоевой в фойе появился Заборский.

– Николай Иванович, – обернулась к нему Бобоева, – забирайте Трушкина и ведите наверх, к Антону Антоновичу. Андрей Николаевич, пойдете со мной.

Мы отошли в сторону.

– Антон Антонович велел нам уладить этот конфликт. Вернее, конфликт улаживать буду я, а вы будете мне помогать как представитель правоохранительных органов. Причину ссоры вы знаете?

– Один служил в НКВД, а другой был на фронте?

– Вот именно, из-за чепухи повздорили.

– Кому как! Для них, наверное, это далеко не чепуха.

– Людмила Александровна, – к нам подошел представитель райисполкома, – автобусы с иногородними ветеранами готовы к отправке. Что будем делать?

– Отправляйте автобусы, – распорядилась Бобоева. – Иногородние ветераны не виноваты, что у нас произошел такой досадный инцидент.

– А как же с этим, с «раненым»?

– Мы его на райкомовской «Волге» домой увезем. Пойдете, Андрей Николаевич!

Потерпевший Сыч, очень грузный лысый мужчина, сидел на стуле у окна. Кровотечение из носа у него уже прекратилось, губы на первый взгляд были целы.

– Мы приносим вам свои глубочайшие извинения, – затараторила Бобоева. – У Антона Антоновича есть предложение: чтобы у вас не осталось тягостных воспоминаний о сегодняшнем празднике, он предлагает еще посидеть за столом и выпить, так сказать, мировую: вы, он и Трушкин. Право, у вас конфликт произошел на ровном месте...

Из ее словесного потока Сыч уловил два момента: его приглашает выпить сам товарищ Мирошниченко; домой его как почетного гостя отвезут на райкомовской «Волге».

– Пойдете, я на этого драчуна зла не держу, – поднялся с места Сыч. – Как его хоть зовут-то?

Людмила Александровна увела ветерана наверх, а я пошел на вахту звонить Гордееву. По пути мне попался Заборский.

– Николай Иванович, – остановил его я. – Людмила Александровна так стремительно увела пострадавшего, что я даже не спросил у него, будет он писать заявление на обидчика или нет?

– Ничего не будет, – заверил Заборский. – Мирошниченко умеет с людьми ладить.

Начальник РОВД, выслушав информацию о происшествии, велел мне оставаться в ДК до конца всех мероприятий.

Около часа я слонялся по фойе, перечитал все афиши, выпил несколько чашек чая в буфете. В самый разгар веселья на втором этаже появился Казачков.

– Бдишь? Молодец! Больше никто не подрался? – спросил он, осматривая фойе.

– Эти-то двое непонятно из-за чего сцепились. Ну и что, что один из них был на фронте, а другой – нет? Оба же ветераны.

– Это все паксеевские интриги. Как его выбрали председателем совета ветеранов, так он стал разделять ветеранов на тех, кто был в действующей армии, и тех, кто служил в войсках НКВД. А здесь, сам представь, были три огромные зоны, половина офицеров, выйдя в отставку, остались жить в поселке. Те из них, кто начал служить во время войны, сейчас имеют статус ветерана, точно такой же, как у тех, кто всю войну в окопах провел. Только ничего у Паксеева не получится. Дегтярев, директор ДК, тоже служил в НКВД. Утверждает, что шпионов в тылу ловил, но чем занимался на самом деле, никому не известно. Так вот, у Дегтярева отношения с Мирошниченко куда как лучше, чем у Юрия Иосифовича.

- Зачем это Паксееву, чего ему не хватает?
- Личные амбиции. Он хочет быть самым уважаемым ветераном в поселке.
- По-моему, Паксеев – просто сволочь. Зачем он на Антонова наговаривает, что тот вообще не ветеран?
- Так оно и есть. Антонов после освобождения на реабилитацию не подавал, так что в военкомате он числится как бывший зэк.
- Чушь какая-то! Он же был на фронте, воевал.
- По бумагам он не воевал, а в лагере сидел. Бюрократия, против нее без бумажки не попрешь! С другой стороны, кто ему мешает на реабилитацию подать? Давно бы уже все документы получил. Когда женишься на его дочке, займись этим вопросом.
- Вадим Алексеевич, а на какой из его дочерей вы бы посоветовали жениться? – ехидно спросил я.
- Как на какой? – удивился он. – У тебя же с Маринкой, как говорят, все в полном ажуре. Или не так? Или ты уже передумал на ней жениться?
- Ничего не пойму! В понедельник вы меня с Гордеевым выспрашивали, не собираюсь ли я на *ком-нибудь* жениться. Я ответил, что нет. Сейчас я уже от второго человека слышу, что Михаил Антонов – мой будущий тесть. Что такого случилось за три дня?
- Ничего не случилось. Спрашивали мы тебя так, для порядка, а на самом-то деле все знают, что Маринка – твоя невеста.
- Почему я об этом не знаю? Что за дурацкие интриги за моей спиной? – Настроение у меня начало стремительно портиться.
- Да нет никаких интриг! Ты в поселке живешь, здесь от людей ничего не скроешь, здесь все на виду. Сам посуди, как твои отношения с Мариной Антоновой выглядят со стороны: она приехала в гости к родителям, одну ночь, для приличия, переночевала у них, а все остальное время прожила у тебя. Она после этого тебе кто, просто знакомая, что ли?
- Обалдеть! А если у меня другая девица сутки проживет, то я что, многоженцем стану?
- Андрей, здесь не город, здесь вот какой закон: если женщина от тебя уходит затемно, пока никто не видит, это значит, что ты с ней просто встречаешься. А если она от тебя, не таясь, днем выходит, то это значит, что между вами есть «отношения» и ты – ее мужик.
- Вот черт! Я-то ничего не знал. Спит девчонка да спит – воскресенье же, куда рано вставать. Вадим Алексеевич, а если Маринка еще раз приедет, а я ее на порог не пушу, тогда как?
- Тогда ты снова станешь свободным мужчиной, а пока она не вернулась, ты будешь числиться ее женихом. Вариант: найдешь другую женщину – Маринка отпадет.
- Вадим Алексеевич, тогда объясните мне вот что: если я как бы зять Михаилу Антонову, то какого черта он на меня волком смотрит? Я его дочку к себе насильно не затаскивал и жениться на ней не обещал.
- Ты мент, ты современный энкавэдэшник, вот в чем суть. Пока Антонов был в лагере, ему за строптивый характер охранники не один раз ребра ломали да половину зубов выбили. Как он после этого должен относиться к зятю в красных погонах? Только это все ерунда! Стоит тебе публично сказать, что, мол, у тебя с Маринкой все серьезно, так Антонов сам к тебе с бутылкой придет, «познакомиться», так сказать.
- В городе проще жить, – резюмировал я его разъяснения местных законов и обычаев.
- Где-то проще, а где-то нет, – уклончиво ответил Казачков, но по его виду было нетрудно догадаться, что ему доставило удовольствие просветить меня, городского простофилю, о житейской сущности самых элементарных вещей и понятий.
- Вадим Алексеевич посмотрел на часы.
- Дело близится к концу. Давай сделаем так: ты иди на второй этаж, проконтролируй там, чтобы окончание банкета прошло без эксцессов, а я тут все организую.

На втором этаже продолжался торжественный обед. Во главе стола сидел Дегтярев, по правую руку от него – Паксеев. Ослабший от водки Сыч спал на диване в углу. Трушкин курил у раскрытого окна.

Ни Мирошниченко, ни Бобоевой, ни Заборского в зале уже не было.

Обойдя вдоль стены застолье, я, сам того не желая, пришел в библиотеку.

– Здравствуйте, Наталья Михайловна, – елеиным голосом поприветствовал я библиотекаршу. – Как дела ваши, не мешает ли шум за стеной?

– Здравствуйте, Андрей Николаевич! – Она никак не отреагировала на мою неуместную иронию. – Вы почему к нам в библиотеку не заходите, книжки читать не берете? У нас очень хороший выбор художественной литературы.

– Некогда мне книжки читать, Наталья Михайловна! Работа с утра до ночи!

– Для хорошей книги всегда можно найти время.

– Что сестра пишет, когда в отпуск приедет? – Я решил уйти от книжной темы. Не разъяснять же мне Наталье, что несколько любимых книг я вожу с собой еще со времен учебы в Омске и время от времени их перечитываю.

– Марина в середине сентября обещала приехать, картошку копать. А вы, Андрей Николаевич, с кем картошку копать будете? – загадочно улыбнувшись, спросила она.

– Ни с кем, – жестко заверил я.

– Не получится. Весь поселок в поля выйдет, все будут картошку собирать, а вы один никуда не поедете? Андрей Николаевич, вас, молодого сильного мужчину, в стороне от копки картошки никак не оставят. Кто-нибудь попросит помочь мешки в поле таскать, и вы не сможете отказаться.

В библиотеку заглянул участковый. Увидев по его глазам, что случилось несчастье, я, не попрощавшись, вышел в холл.

– У нас труп в мужском туалете, – прошептал он мне на ухо. – Казачков ждет внизу.

6

Труп ветерана по фамилии Сыч лежал на полу в мужском туалете, спиной к стене, ногами к выходу. При падении он подмял под себя правую руку, и теперь она виднелась из-под тучного туловища только наполовину. Голова Сыча была на вид целой, но на полу вокруг нее уже успела набежать целая лужица крови.

Раковина умывальника за спиной трупа была разбита, отколовшийся осколок валялся рядом с телом покойного. Общий порядок в туалете нарушен не был.

Я наклонился над трупом, пощупал левый висок. Кости под пальцами податливо шевелились.

– Андрей, – позвал меня Казачков, – ты у нас самый опытный в таких делах. Скажи, это он сам упал? Он же пьяный был, еле на ногах держался...

– До того, как он упал на раковину и разбил об нее голову, кто-то от души врезал ему в область уха и сломал височную кость. Смерть, как я думаю, наступила от удара об умывальник.

– Может быть, все-таки он сам? – из-за спины Казачкова подал голос Виктор Горшков, мой сосед по кабинету. – Поскользнулся и упал виском на раковину.

Я выпрямился, посмотрел на коллег.

– Что вы скажете об этом? – Я показал рукой на единственное зеркало, висевшее за спиной у оперативников.

Они обернулись, матом выразили появившиеся чувства: на зеркале кровью был выведен знак – вертикальная линия, небольшая, всего сантиметров двадцать длиной, и две лапки, расходящиеся вниз под одинаковым углом. Ни при каких, даже самых фантастических обстоятельствах смертельно раненный Сыч сам бы не смог оставить этот знак.

– Что это, мать его? – процедил сквозь зубы Казачков.

– Что это такое, я не знаю, но если вокруг этой фигни нарисовать окружность, то получится распространенный среди пацифистов знак «Нет крылатым ракетам!».

– Час от часу не легче! – Казачков подошел ближе к зеркалу, убедился, что знак нарисован кровью. – Андрей, ты когда его заметил?

– Как только вошел.

– Пальцем какая-то скотина рисовала, – поморщился Казачков. – Значит, так! – Голос начальника стал деловым, командным: – Андрей, начинай расследование. Виктор, ты у него на подхвате. Я пошел докладывать Гордееву. Все милиционеры в ДК – в вашем распоряжении.

Я и Горшков вышли из туалета. К нам подошли оба участковых.

– Сергей, – обратился я к одному из них, – блокируй выход с цокольного этажа. Никто, ни один человек, не должен из него выйти. Виктор, иди в подвал и перепиши всех, кто там есть. Алексей, блокируй вход в ДК. Никого не впускать – никого не выпускать. Кто у нас еще есть?

– Два постовых на улице, – сказал Горшков.

– Обоих в здание и перекрыть выход со второго этажа. Все, кто сейчас находится там, пусть остаются на месте. Кто нашел труп?

– Я, – обреченно вздохнул один из участковых. – Сам пошел в туалет, а там он лежит. Вначале я подумал, что это пьяный, потом смотрю – кровь. Я – в фойе, нашел Казачкова, доложил.

– Все понял, иди, работай.

Я вышел на середину фойе, стал прикидывать, что к чему.

В здании ДК было два туалета: мужской и женский. Оба располагались на первом этаже. Вход в мужской туалет просматривался от стойки вахтерши, из буфета и с левой части фойе. От входа на цокольный этаж туалет не просматривался. Из потенциальных свидетелей в моем

распоряжении была одна вахтерша – всех лишних людей из фойе мы удалили сами, а буфетчица безотрывно была с гостями, на втором этаже.

Я подошел к вахтерше.

– Кристина Эрнестовна, что здесь произошло? Кто входил в мужской туалет?

– Андрей Николаевич, я за входом в здание смотрю, а не за туалетом. Кто туда входил, я не видела.

– Хорошо. А кто тогда выходил из здания? Это-то вы обязаны были видеть.

– Последними вышли Заборский и Людмила Бобоева. Они как спустились со второго этажа, так, нигде не останавливаясь, сразу же вышли на улицу.

Хлопнули входные двери, в фойе вошли Казачков, Гордеев и замполит отдела. Оставив вахтершу, мы отошли посоветоваться.

– Что Кристина Ригель говорит? Что ничего не видела у туалета? – спросил Гордеев. – Тогда все, пиши пропало! Она баба упертая, я ее уже много лет знаю.

Я вопросительно посмотрел на Казачкова. Он разъяснил:

– Когда в 1941 году семью вахтерши интернировали из Донецкой области, солдаты НКВД расстреляли ее отца и брата. Мужиков в Сибирь не ссылали – их всех на месте оставили. Во время драки в фойе старуха слышала, что Сыч – бывший боец частей НКВД, то есть ее кровный враг. Сама она физически ему ничего сделать не сможет, но на его убийцу никогда не покажет. Мстить это, Андрюша, мстить! Тупая, бессмысленная, но непробиваемая. У нас такое уже было: как с бывшим энкавэдэшником что-то произойдет, так среди немцев свидетелей никогда не найдешь. Никто ничего не видел, никто ничего не знает.

– Семен Григорьевич, – обратился я к начальнику РОВД, – мне надо, чтобы один постовой забежал на второй этаж и обычным шагом спустился вниз.

Гордеев подозвал патрульного милиционера, послал его выполнять мои указания.

Я подошел к вахтерше, молча показал ей на милиционера, избегающего наверх.

– Сейчас он пойдет вниз, – ничего не комментируя, сказал я.

Звук шагов постового, неспешно спускающегося по лестничному маршу, был отчетливо слышен от стойки вахты.

– В каком порядке гости со второго этажа спускались в туалет? – спросил я самым обычным голосом, словно вахтерша пару минут назад не утверждала, что ничего не слышала.

Кристина Эрнестовна тяжело вздохнула, грустно посмотрела мне в глаза.

– Я все равно найду убийцу, – заверил я ее. – Чем быстрее я это сделаю, тем будет лучше для всех. Я не думаю, что Сыча убил кто-то из ветеранов, но мне надо знать, кто из них видел тело, но предпочел отмолчаться.

Она еще раз тяжело вздохнула:

– Первым спустился в туалет Дегтярев, потом Трушкин, за ним Сыч, потом Паксеев. Больше я никого не видела. Как они возвращались назад, я не обратила внимания.

Я вернулся к Гордееву.

– Нам надо, чтобы все присутствующие в здании показали свои руки. Если Сыча сбили с ног ударом кулака в висок, то у преступника могут оказаться сбитыми казанки – косточки на пальцах.

– Мать его! – выругался Семен Григорьевич. – Вот так праздник у нас получился!

– В нашем, совместном с райкомом партии, плане отдельная охрана туалетов не предусматривалась, – уточнил я. – Нам нечего предъявить. Это происшествие произошло не в охраняемой зоне, а вне ее.

– Спасибо, успокоил! – съязвил начальник РОВД. – Руки у ветеранов проверять не будем. Если мы сейчас наведем вокруг этого дела ажиотаж, то нам несдобровать, на всю область опозоримся. Пока давайте действовать без лишнего привлечения внимания. Хрен с ним, с убий-

цей – никуда он от нас не уйдет. Тут важнее вопрос политический: смогли мы организовать безопасное проведение праздника или нет.

В ДК зашел следователь прокуратуры. Выслушав Гордеева, он полностью согласился с ним:

– Сегодня, в праздник, нам надо всячески избегать шумихи вокруг этого дела. Про рисунок на стене пока все молчите. В качестве официальной версии выдвинем несчастный случай – падение в пьяном виде на скользкий пол.

– Там пол не скользкий, – заметил я.

– Зато потерпевший был как свинья пьяный! – сказал, как отрезал, следователь.

Дальше спорить было бесполезно.

– Не лезь в бутылку! – прошипел Казачков, утягивая меня в сторону. – Пока нет результатов официального вскрытия, никто не может утверждать, что Сыч упал от удара в голову. Про рисунок молчи. Завтра начнем всех потрошить, а сегодня надо все по-тихому развести. Гордеев прав: дойдет скандал до области, с нас же первых шкуру снимут!

– Как хотите, Вадим Алексеевич! Я пошел, поработаю в подвале.

В фойе впорхнула встревоженная Людмила Александровна.

– В каком часу произошло происшествие? – спросила она. – В седьмом? Отлично! У нас план утвержден до шести часов. Все, что после, нас не касается.

Она развернулась и ушла, даже не поинтересовавшись, что же именно произошло в ДК.

Оставив начальство провожать ветеранов с банкета, я пошел вниз.

Этим вечером на цокольном этаже находились Михаил Антонов, Инга, учитель Седов, Паксеев, сантехник, уборщицы, две швеи из пошивочной мастерской.

Первым для беседы я вызвал Паксеева. Разговор проходил в служебном помещении, где обычно завхоз ДК проводит свои «летучки». Я сидел за столом, в дверях стоял участковый.

– Рассказывайте, Юрий Иосифович, как провели сегодняшний вечер. – Здесь, в подвале, я не собирался ни с кем церемониться. Все, кто был в подвале на момент обнаружения трупа, могли быть причастными к убийству Сыча, все они были подозреваемыми.

– Я из-за стола сразу же спустился сюда, – неуверенным голосом начал Паксеев. Он уже смекнул, что его пребывание на цокольном этаже как-то не вяжется с проходящими в ДК торжествами. Что ему делать среди техничек и сантехников? Рассказывать им о своем героическом прошлом?

– Активнее, товарищ Паксеев, – угрожающим тоном произнес я. – Мне что, каждое слово из вас силой вытаскивать?

– Здесь, на цокольном этаже, работает моя соседка Инга Суркова. – Паксеев достал носовой платок, вытер губы. – Я спустился к ней, чтобы узнать, когда она закончит работу. Мы живем на одной улице, вдвоем веселее идти домой.

– Вы раньше, до сегодняшнего дня, знали Сыча?

– Нет, раньше я его никогда не видел.

– По дороге на цокольный этаж вы заходили в туалет?

– Нет, не заходил.

– Гражданка Ригель показала, что после Сыча по лестнице спустились вы.

– Эта паскудина Ригель – немка! – воскликнул он. – Она все врет, она оговаривает меня!

– Спокойно! – оборвал я его. – Что она врет, что вы спустились по лестнице вниз? Если она врет, то каким образом вы тут оказались, через окно залезли?

– Она все врет! – Паксеев полез за сигаретами, но, словно спохватившись, спрятал руки под стол. Мне это не понравилось.

– Покажите мне руки, – жестко потребовал я.

– Чего? – удивился Паксеев.

– Руки! – заорал я. – Живо!

Я не знаю, о чем подумал Юрий Иосифович, но он поднял руки вверх так, словно собрался сдаваться.

– Так вот как ты нашу советскую Родину защищал! – зарычал я.

Паксеев подпрыгнул на табурете, развернулся на месте, проворно вскочил и выбежал из подвала.

– Андрей, – сказал стоящий в дверном проеме участковый, – ты так на него заорал, что я сам чуть руки не поднял.

В комнату к нам вбежал Казачков.

– Андрей, что ты тут вытворяешь? – со злостью сказал он. – Паксеев в фойе увидел прокурора, бросился ему на грудь и чуть не заплакал. Ты не забывай, что он председатель совета ветеранов.

– После Сыча, – чеканя каждое слово, сказал я, – по лестнице спустился Паксеев, но назад, к ветеранам, он не вернулся, а зачем-то пошел в подвал. Зачем? Прийти в себя после убийства Сыча?

– Да ну, скажешь тоже, – растерялся Казачков. – Какой из него убийца, у него комплекция не та, чтобы такого верзилу, как Сыч, одним ударом опрокинуть.

– Неожиданным ударом в висок кого угодно можно в нокаут отправить, – возразил я.

– Ладно, работай дальше, а я пойду к прокурору, объясню, что Паксеев сегодня выпил лишнего и стал чересчур обостренно воспринимать обычные вопросы.

Следующим на допрос я вызвал Антонова. Михаил Ильич сел напротив меня, положил мозолистые руки на стол. Казанки у него были не сбиты, но это ничего не значило. У Антонова кожа на руках, как у носорога, грубая и толстая. Ему можно со всей силы кулачищами по стенам колотить – никаких следов не останется.

– Расскажите, чем вы сегодня вечером занимались, выходили ли из подвала, если да, то куда и с какой целью?

По словам Антонова, с пяти часов вечера он безвылазно сидел в камере электриков, перематывал трансформатор.

Помещение для дежурного электрика, которое Антонов назвал «камеркой», располагалось в самом начале служебной части цокольного этажа. Из него вполне можно было незаметно выйти в туалет и спуститься назад. Я даже представил, как это могло быть: технички и сантехник болтают о жизни в помещении, где я сейчас веду допрос; Седов перебирает транзисторы у себя в радиокружке, совсем в другом крыле коридора; швеи, за закрытыми дверями, работают в мастерской.

– Алиби у меня нет, – словно догадавшись о моих мыслях, уточнил Антонов.

– Хорошо, – задумчиво сказал я. – Поговорим о другом. Вы, Михаил Ильич, были во время войны в плену...

– Ну и что, что был! – вскочил с места Антонов.

– Сидеть! – грохнул я кулаком по столу. – Сиди и слушай меня, а не дергайся, как девочка в солдатской казарме! Больно нервные все в поселке, как я посмотрю.

Антонов опешил от моего крика. Он просто не ожидал, что я могу орать на него, как колхозный бригадир на пьяного тракториста.

– Вам это ничего не напоминает? – Я нарисовал ему знак, который видел в туалете на зеркале.

– Лапки у этого знака вниз или вверх? – спросил Антонов, присаживаясь на место.

– А что, есть какая-то разница? – спросил я бесцветным голосом. Внутри меня все напряглось в ожидании ответа. Знак на стекле – это ключ к разгадке убийства.

– Во время войны немцы такими знаками отмечали на могилах даты рождения и смерти. Если лапки у этого знака вверх, то это дата рождения, а если вниз, как ты нарисовал, то это дата смерти.

Я задал Антонову еще пару вопросов и отпустил его.

– Андрей, – спросил меня участковый, – а ты что, раньше уже слышал про этот знак?

– Как только я увидел эту фигню с лапками, то у меня возникло смутное чувство, что когда-то давно, в фильмах про войну, я уже видел такую штуковину. Сам посуди, не пацифистский же знак нарисовал убийца!

– Предчувствиям всегда надо верить, – согласился участковый. – Кого следующего вызовем?

– Давай учителя. Поговорим с культурным человеком.

Анатолий Седов был одет в сатиновый рабочий халат, из-под которого выглядывали галстук и воротник чистой рубашки. От него исходила неповторимая смесь запахов превратившейся в дым канифоли и недорогого мужского одеколона. Руки у Седова были тонкокостные, кожа на кистях настолько тонкая, что под ней были видны самые мельчайшие артерии и вены.

«Если бы это он ударил Сыча в висок, – подумал я, – то он бы ободрал себе всю кожу до кости. Учитель – не боец. У него руки кабинетного работника».

На мои вопросы Седов отвечал спокойно, уверенно, но перед тем, как что-то сказать, тщательно продумывал каждое слово.

– Весь вечер я паял плату для цветомузыкальной установки в школу. В туалет выходил, когда – точно сказать не могу. В туалете никого не видел, но, судя по характерным звукам, могу утверждать, что в одной из кабинок был человек. Когда я шел обратно... – Учитель замялся, стал подбирать нужные слова, и я по его поведению понял, что он ждет от меня наводящих вопросов. Ему самому неловко говорить, кого он видел, а под моим «нажимом» можно про всех правду-матку выложить.

Я на лету подхватил предложенные им правила игры:

– Анатолий Сергеевич, что за театральная пауза? Рассказывайте: кого и где вы видели на обратном пути?

Учитель тяжело вздохнул, потупил глаза в стол, помолчал ровно столько, сколько требовалось для принятия «нелегкого» решения.

– На обратном пути в коридоре на цокольном этаже, около кабинета, где мы сейчас с вами разговариваем, я встретил товарища Паксеева и уборщицу ДК по имени Инга. Фамилии ее я, к сожалению, не знаю, но у нее такая специфическая внешность... У нее татуировки прямо на веках глаз.

Я мельком глянул на участкового – он аж вытянулся в нашу сторону в ожидании подробностей.

– Дальше, Анатолий Сергеевич, дальше! – подстегнул я его. – Что делал товарищ Паксеев, кровь с рук вытирал? А уборщица Инга что делала, отрубленную голову в мешок прятала?

– Какую голову? – отпрянул от стола учитель. – Я ничего такого не видел.

– А что вы видели тогда? Что вы мнетесь, как гимназист перед входом в бордель? Выкладывайте, здесь слаонервных нет.

– Паксеев обнимал уборщицу, он стоял ко мне спиной, а она, когда я проходил мимо, открыла глаза и посмотрела на меня. – Он еще раз тяжело вздохнул. – Целовались они, Андрей Николаевич. Я не хотел об этом говорить, но в интересах истины правду утаивать не буду.

– Не велик грех с уборщицей целоваться, – насмешливо заметил я. – Вы, Анатолий Сергеевич, не заостряйте на этом внимания. Каждый из нас, приняв лишнего за столом, способен на необдуманные поступки.

Он с облегчением вздохнул.

«И до этого дошли слухи о моей связи с Ингой», – отметил я.

– Анатолий Сергеевич, – возобновил я допрос, – вы учитель истории. Ничего не можете нам рассказать вот о таком знаке?

Седов только мельком глянул на мой рисунок и сказал:

– Если лапки кверху, то это руна «Альгиз», если лапки книзу, то это руна «Смерть».

– Расскажите немного поподробнее: что такое руны, что они означают.

– Руны – это аналог наших букв в древнегерманской и скандинавской письменности.

Придя к власти, Адольф Гитлер приказал возродить древнегерманский культ поклонения языческим богам. Как один из элементов, связывающих нацистскую идеологию и древнегерманскую культуру, был выбран рунический алфавит. Каждая руна из алфавита стала что-то означать. Самая известная руна – это свастика, символ катящегося в бесконечность солнца. Руна «Альгиз» стала означать жизнь, рождение нового человека. Руна «Смерть» означает смерть, гибель человека, конец его жизненного пути. Почему у нее нет отдельного названия, я не знаю.

– У вас неплохие познания в нацистской символике, – похвалил я.

– Ничего особенного, – поскромничал учитель. – Я, когда учился в институте, писал реферат на эту тему, много работал в библиотеках... Скажите, Андрей Николаевич, жена Паксеева не узнает о нашем разговоре?

– Жена Паксеева от меня ни о чем не узнает: ни о рунах, ни о Гитлере, ни об уборщице. Я, Анатолий Сергеевич, сведения, полученные в ходе допроса, не разглашаю.

– Кого следующего позовем? – спросил после его ухода повеселевший участковый.

– Никого. Если тебе интересно, как Инга с Паксеевым целовалась, то можешь вызвать ее и сам допросить. Я пошел наверх, к Гордееву, а ты бди, никого пока из подвала не выпускай. Они все еще следователю пригодятся.

В фойе я отыскал Гордеева, Казачкова и прокурора района. Всех их я пригласил поговорить на улицу.

– Вызывайте сотрудников КГБ, – приказал прокурор, выслушав мой рассказ о рунах.

– Может быть, не будем спешить? – осторожно предложил Гордеев.

– Семен Григорьевич! – повысил голос прокурор. – Вы отдаете себе отчет в том, что говорите? У нас есть убитый ветеран войны, а рядом с ним нарисован нацистский знак, означающий смерть. Вам не приходит на ум, что это убийство может иметь политическую окраску? Представляете, что будет, если выяснится, что смерть Сыча – дело рук фашиствующих элементов? Любая антисоветская деятельность должна расследоваться органами государственной безопасности.

– Откуда у нас в поселке фашиствующие элементы? – с нажимом возразил Гордеев.

– Семен Григорьевич, вы что, пререкаться со мной вздумали? – угрожающе сказал прокурор.

– Да нет, ничего я не надумал, – пошел на попятную начальник РОВД. – Если надо, давайте вызовем представителей КГБ. Только шуму будет – мама не горюй!

– Пусть лучше скандал до потолка, чем нас обвинят в укрытии террористической вылазки фашистских бандитов. Работайте, товарищи! Я пошел докладывать о происшествии прокурору области.

После его ухода Гордеев распорядился отпустить по домам всех работников ДК, которых мы успели допросить. Ветераны разошлись еще раньше. Я и Казачков остались покурить на улице.

– Что ты думаешь по поводу произошедшего? – спросил начальник.

– Вадим Алексеевич, в этом здании правда есть потайные ходы или нет? – ответил я вопросом на вопрос.

– Кто его знает! – пожал он плечами. – Если есть, то не удивлюсь. Здание-то сталинской постройки, в те времена любили всякие тайники делать. При Хрущеве противоатомные бомбоубежища везде строили, при Сталине, точно знаю, в одной московской гостинице, в венти-

ляционной шахте, был сделан тайный ход, чтобы можно было подслушивать и подглядывать, чем постояльцы занимаются. Представь, приедут начальники из Сибири в Москву, заселятся в гостинице, выпьют, начнут товарища Сталина последними словами поминать, а за стенкой уже чекист сидит, записывает, кто что говорил. В нашем ДК вполне может быть что-то подобное. Но ты не ответил мне по поводу преступления.

– Пока что-то определенное трудно сказать, но я, честно говоря, не вижу мотива убийства. Сыч, как я понимаю, спустился в туалет облегчиться перед отъездом домой. Вычислить его намерения – нереально. Он мог зайти в туалет, а мог бы пописать где-нибудь по дороге. Остановил бы «Волгу» в любом месте на трассе, отвернулся от проезжей части да пустил струйку.

– Согласен. Сыч и его убийца встретились в туалете случайно. – Казачков прервался на полуслове.

Мимо нас прошли Михаил Антонов с дочерью. Отойдя немного, Наталья отдала отцу холщовую сумку с продуктами, купленными ею в обед, и пошла назад.

– Пожалуй, я пойду посмотрю, чем наши парни занимаются. – Казачков отбросил сигарету в урну и вернулся в ДК. Общаться с Антоновыми, ни с отцом, ни с дочерью, он не хотел.

Библиотекарша подошла ко мне. В руке у нее была книжка.

– Андрей Николаевич, – загадочно улыбаясь, сказала она, – я для вас интересную книгу подобрала почитать. Вам понравится.

– За нее ведь расписываться где-то надо. – Я взял книжку, прочел название – «Орфографический словарь».

– Расписываться за нее нигде не надо, я ее на свое имя взяла. У меня к вам одна просьба: верните ее, пожалуйста, не позднее указанного срока.

– Наталья Михайловна, я не подведу вас!

Она одарила меня еще одной улыбкой и поспешила за отцом.

Пока я разговаривал с Натальей, мимо нас прошли учитель, Инга и еще с десяток человек. Будет о чем посудачить завтра!

Я вернулся в фойе, нашел Казачкова.

– Вадим Алексеевич, я с самого раннего утра на ногах, может быть, отпустите меня на сегодня?

– Давай дождемся приезда ребят из КГБ, тогда и пойдешь.

– Вот их-то я и не хочу видеть. У меня к ним предвзятое отношение.

– Тебя, часом, Наталья Антонова на улице не ждет? – нахмурившись, спросил он.

– А что такого, если ждет? Она не замужем, я не женат. Это пусть Паксеев голову ломает, как своей жене пашни на стороне объяснять, а мне ни перед кем отчитываться не надо.

– Я не об этом. Не забывай, что ее отец у нас в числе главных подозреваемых. У него, как я понял, на момент убийства алиби нет?

– Да если так разобраться, то и у Паксеева, и у учителя тоже с алиби как-то хлипко. И еще. Трушкин был в туалете, когда туда зашел Сыч. Трушкин с ним дрался днем, мог продолжить выяснять отношения вечером.

– Не собирай ерунду! Трушкин вышел из-за стола совершенно пьяный.

– Я тоже могу пьяным прикинуться, хоть сейчас.

Казачков осуждающе посмотрел на меня. Я начал надоедать ему своими возражениями на каждое сказанное слово.

– Вадим Алексеевич, в данный момент все наши версии базируются на показаниях гражданки Ригель, а ведь старушка могла что-то упустить. Она действительно не обязана контролировать, кто куда ходит по зданию ДК. Ее пост на входе, а все остальное по большому счету ее не касается.

Казачков посмотрел в сторону вахтерши, в раздумьях вздохнул:

– Мы никогда не установим мотива этого преступления, – продолжил я, – пока не изучим личность Сыча, его прошлое. Сейчас, в данный момент, мы о Сыче ничего не узнаем – он иногородний, его в Верх-Иланске никто не знает. Чем мне сейчас заниматься, доказательственную базу собирать для сотрудников КГБ? Пускай сами работают – я им не товарищ.

– Хорошо, – уступил Казачков, – иди домой, но завтра, в восемь утра, чтобы как штык был!

Я вышел из ДК на крыльцо, сунул словарь под мышку, закурил. На улице стемнело. Стало прохладнее. На небе выступили первые звезды. В окнах трехэтажных панельных домов за площадью горел свет. Дневной шум в поселке стих, стал слышен лай собак в частном секторе.

Я докурил сигарету и пошел к Инге.

7

Инга в городе, в общежитии, вела замкнутый образ жизни. Переехав в поселок, она стала общительнее: у нее появились приятельницы по работе, по вечерам к ней заходили соседки по улице. Даже мамыши в детском саду не чурались ее маргинальной внешности и могли часами обсуждать с ней проблемы воспитания детей на втором году жизни.

С мужчинами Инга была осторожна, но перед натиском Паксеева, как видно, не устояла.

Инга жила в таком же бараке, как я, но в другой стороне поселка. Комната ее имела отдельный выход на улицу, так что своими поздними визитами к ней соседям я не мешал.

В доме Инги во всех окнах горел свет. Никто из жильцов еще не ложился спать. Я поднялся на крыльцо, постучал. Не спросив «Кто там?», она открыла дверь.

– Привет еще раз! – Я прошел внутрь. – Ты одна?

– А кто у меня может быть в это время? – Она позвала меня к столу, налила чая. – Если ты намекаешь на Юрия Иосифовича, то он по вечерам дома. Мы с ним иногда днем встречаемся, пока я не на работе.

– Ты все так же работаешь: утро-вечер, днем свободна?

– Все технички так работают. Для меня такой график даже удобнее, чем работать полный день.

– Инга, ты не боишься, что после сегодняшнего скандала жена Паксеева к тебе с разборками прибежит?

– Не прибежит, она у него смиренная, как овца.

– Меня интересует последний час перед тем, как нашли труп: кто где был, кто как себя вел.

– Мы все: я, девчонки-уборщицы и сантехник – сидели у нас в дежурной комнате. Антонов был в каморке электриков, что-то там чинил. Учителя и швей я вообще не видела. Минут за двадцать до того, как поднялась вся эта суматоха, Антонов ушел наверх. Самого его я не видела, но по шагам поняла, что это он. Из того крыла только он мог выходить, там мужчин больше нет. Потом пришел Паксеев и вызвал меня в коридор. Мы стояли с ним, разговаривали, мимо наверх прошел учитель...

Я с отрешенным видом наблюдал, как заметно подросший за лето сын Инги возится на полу с игрушечной машинкой без одного колеса.

– Ты меня слушаешь? – спросила она.

– Конечно, слушаю. Ты стояла и целовалась с Паксеевым, мимо прошел учитель. Так?

– Совсем не так! Паксеев стал меня обнимать, когда учитель пошел назад, а до этого мы просто стояли и разговаривали. Потом к нам прибежал участковый и всех загнал в дежурное помещение. Даже Юрия Иосифовича наверх не выпустил.

– Сколько времени наверху был Антонов и сколько – учитель?

– Я слышала только, как Антонов ушел, а когда он вернулся, я не знаю. Я вообще удивилась, когда его участковый к нам загнал. Я думала, что он где-то наверху остался. Учитель не долго ходил, минут пять-десять, не больше.

– Паксеев к тебе пришел не встревоженный?

– Озабоченный он пришел, а не встревоженный. Если ты думаешь, что того толстяка в туалете он завалил, то зря. – Инга встала к сыну, вытерла с его подбородка набежавшие слюни. – У Юрия Иосифовича сегодня вечером совсем другое было на уме, он бы драться ни с кем не стал.

– Ты про Антонова кому-нибудь говорила? – Я отодвинул от себя опустевшую чашку. – Молчи про него, никому ни слова.

– Не поняла. – Она выпрямилась, уперла руки в бока. – Я, конечно, поступлю так, как ты скажешь, но...

– Никаких «но»! – жестко сказал я. – Давай не будем портить отношения. Вызовет тебя следователь, расскажешь ему про учителя, про Паксеева, про кого хочешь, а про Антонова – молчи.

Я встал из-за стола, пошел обуваться и заметил в шкафу большую новую игрушку – робота.

– Машинку бы лучше купила, – сказал я, показывая на робота.

– Я не покупала его. Пионеры из радиотехнического кружка подарили.

– Какие заботливые пионеры! – Я не удержался, взял игрушку с полки.

Робот – квадратный механический человечек – был высотой сантиметров тридцать, на вес тяжелым, килограмма полтора, не меньше. Голову его украшала штыреобразная антенна, на груди виднелись дырочки, как на микрофоне телефонной трубки.

– Он говорить может. – Инга взяла у меня робота, нажала кнопку сзади.

Игрушка проскрипела металлическим голосом: «Я робот, я умею ходить».

– Пионеры говорят, что они его сами сделали.

– А тебе-то в честь чего подарили?

– Анатолий Сергеевич, руководитель их кружка, распорядился. Он ко мне хорошо относится. Говорит: «Года через два, когда у тебя сын подрастет, ему будет интересно с ним играть».

– Года через два, не раньше, – согласился я, – если сейчас мальчишке отдашь, он его только разломает. Сейчас ему машинки катать – в самый раз.

В дверях я остановился.

– Ты не останешься? – спросила Инга.

– Нет. Скоро Маринка приезжает, не хочу давать лишний повод для разговоров.

– Андрей, у тебя с ней все так серьезно? – В ее голосе послышались оттенки ревности. – Быстро же она тебя захомотала, а с виду такая скромница была.

– Это я ее захомотал, еще в общежитии. Про папашу ее все поняла? Если что-нибудь новое узнаешь, то сразу же сообщи.

Обычно, уходя от Инги, я по-товарищески чмокал ее в щечку. На этот раз не стал.

Придя домой, я разогрел скудный ужин, наскоро поел и стал на листе бумаги вычерчивать план подвала с расстановкой на нем всех интересующих меня лиц. Рядом с планом я выписал всех, кто мог иметь хоть какое-то отношение к убийству.

«Спать ложиться без толку, – решил я. – Пока порядок в голове не наведу, все равно не усну. Лучше немного поработаю перед сном, чем до утра в кровати ворочаться буду».

Как учили меня в Омской высшей школе милиции, вначале надо разобрать действие и, отталкиваясь от него, реконструировать всю картину происшествия.

Итак, судя по позе трупа, Сыч и его противник встретились лицом к лицу посередине туалета, рядом с раковинами умывальников. Нападавший зашел в туалет вслед за Сычом и один раз очень сильно ударил его кулаком в висок. Височная кость от удара треснула, возможно, повредила мозг. Плохо державшийся на ногах после спиртного Сыч упал на раковину и пробил себе голову. Смерть наступила практически мгновенно. Теперь самый интересный момент – кровь с головы Сыча *вытекала*, а не била фонтаном и не лилась рекой. При вскрытии у него наверняка обнаружат обширное внутримозговое кровоизлияние.

Что должен делать человек, только что убивший другого человека? Он должен спешно покинуть место происшествия, а не ждать, пока под головой Сыча набегит лужица крови, чтобы обмакнуть в нее палец и нарисовать на зеркале руну смерти. Вывод: удар в голову потерпевшего нанес один человек, а руну нарисовал другой. Если действия напавшего на Сыча человека наверняка имеют веский мотив, то зачем кто-то нарисовал нацистский знак, да еще кровью убитого, пока непонятно.

Сыч – ветеран органов НКВД, на фронте не был. Если у него есть серьезные враги, то только среди бывших заключенных, которых он охранял. Обратное предположение – Сыч во время войны мог работать не в системе ИТУ, а нести службу по охране особо важных объектов: мостов, электростанций, военных заводов. Что делал убитый во время войны, я не знаю, так что мотив его убийства остается загадкой.

Последний момент, относящийся к действию, – Сыч и его убийца встретились в туалете случайно. Опрос свидетелей показал, что за потерпевшим в этот вечер никто не следил, в фойе его не подкарауливал. Случайность встречи Сыча и его убийцы отменяет возможный сговор между убийцей и человеком, нарисовавшим руну. При сговоре и запланированном преступлении два человека могли бы разделить между собой роли: один насмерть бьет Сыча, а другой, чтобы запутать следствие, входит в туалет через пару минут после убийства и рисует руну смерти.

Итак, проанализировав действие, я прихожу к следующим выводам: Сыч зашел в туалет справить нужду перед дорогой. Совершенно случайно туда же входит физически развитый мужчина. Между Сычом и его убийцей происходит очень короткий конфликт, буквально в пару слов. Незнакомец бьет Сыча в висок, видит, как он падает на пол, и уходит. Следом заходит еще один человек. Он, недолго думая, обмакивает палец в кровь, рисует на зеркале руну и выходит из туалета.

Теперь люди. В туалет заходят (если верить Кристине Ригель) Дегтярев, Трушкин и Сыч. Паксеев то ли заходит туда, то ли сразу же идет на цокольный этаж к Инге, пока неизвестно. Инга считает, что в туалет поднимался Антонов. Инге я полностью доверяю. Врать ей про Антонова нет никакого смысла. Инга женщина расчетливая, интриговать против меня, своего покровителя, она не станет. Через год или два, когда она окрепнет, установит в поселке крепкие связи с влиятельными лицами – тогда да, она может показать мне фигу. А пока – нет.

У Инги в городе с Журбиной была похожая история: когда Наталья Павловна дала ей работу и жилье, Инга ей руки готова была целовать, а потом поступила в отношении Журбиной очень некрасиво. За что и была изгнана из города в Верх-Иланск.

Еще в туалет заходил учитель. Простое и объяснимое действие – оправление естественных надобностей он зачем-то постарался замутить рассказом об Инге с Паксеевым. Про меня и Ингу в поселке многим известно, хотя я оставался ночевать у нее всего несколько раз в самом начале лета и пару раз в конце июля. В августе в Верх-Иланск приехала Марина Антонова и прямо заявила – если сорвешься и переспшишь с другой бабой (зашел-вышел-забыл), то пускай это будет кто угодно, только не Инга! Логику Маринки можно понять: я ей не муж, чтобы верность хранить, и не монах, чтобы вести целомудренную жизнь, с кем-то встречаться все равно буду. Меня за это никто не осудит, и на Маринку никто в поселке пальцем показывать не будет: погуливал парень до свадьбы, ну и что такого? До свадьбы – не считается! Но если до общаги дойдут слухи, что я в Верх-Иланске путаюсь с Ингой, тут Маринку все общежитские девчонки засмеют: обалдеть, на кого он тебя променял!

Учитель, рассказывая мне об Инге с Паксеевым, хотел отвести мое внимание от туалета. Зачем? Он заходил в туалет, увидел труп и вышел, никому ничего не сказав, а теперь боится, что его обвинят в убийстве? Или он боится обвинения в том, что это он нарисовал руну? Что-то уважаемый учитель скрывает, что-то он видел в туалете, о чем говорить не хочет.

После сопоставления всех лиц, проходивших мимо входа в туалет, их физического телосложения и степени опьянения у меня вырисовывается один реальный подозреваемый – Антонов Михаил, отец двух дочерей, к одной из которых я питаю теплые чувства.

Я прекрасно помню первые дни, когда в общаге стало известно, что меня переводят для дальнейшей службы в Верх-Иланск. Все общежитские девушки, для которых я еще вчера был достойным женихом, узнав о переводе, разом потеряли ко мне всякий интерес. Даже моя бывшая невеста Лариса Калмыкова не нашла пары слов, чтобы поддержать меня в трудную минуту.

Могла бы сказать: ты, мол, крепись, жизнь со ссылкой в Верх-Иланск не заканчивается, когда-нибудь вернешься в город! Нет, она предпочла изобразить, что вообще со мной не знакома. Да что там девушки, если общежитские парни пришли ко мне, мол, продай нам свою фирменную «Монтану», в Верх-Иланске в ней все равно некуда ходить. Там, мол, всего две асфальтированные улицы, и по тем коровы ходят. Из принципа не продал, хотя, как оказалось, в поселке действительно всего две асфальтированные улицы, но скотину по ним не гоняют. Эти две улицы – центр поселка, там коровам делать нечего.

Только для одной Маринки Антоновой я не превратился из «первого парня на деревне» в изгоя. Как мы с ней встретились в моей кровати, так до самого моего отъезда не разлучались. Она вообще очень спокойно отнеслась к моей ссылке. Немудрено – она до отъезда на учебу в город всю жизнь прожила в Верх-Иланске, и для нее он был малой родиной, а не отдаленным глухим местечком. Коров на улице она не боялась.

После окончания техникума Марина по распределению попала на хлебокомбинат, в общежитии которого мы познакомились. На хлебозаводе она работала сменным технологом и была у руководства завода на хорошем счету. Как только до директора хлебокомбината дошли слухи, что между мной и Антоновой установились тесные отношения, тот забеспокоился, как бы она не вышла за меня замуж и не переехала в Верх-Иланск. Чтобы удержать ее на месте, дирекция предприятия предоставила Маринке, незамужней бездетной девушке, отдельную комнату. По иронии судьбы, единственной свободной комнатой оказалась та, в которой раньше жил я. Но и это еще не все. Директор завода вызвал Маринку к себе и в присутствии всего руководства хлебокомбината торжественно пообещал, что к концу ее отработки, то есть в августе следующего года, предоставит ей ордерную комнату гостиничного типа. Взвесив на жизненных весах замужество и перспективу получения ордерной гостинки, Маринка предпочла остаться в городе и дальше работать на хлебозаводе.

А я остался предоставленным самому себе, хотя серьезно подумывал, что мы распишемся с Мариной и она переедет ко мне, в комнату в бараке, на право проживания в которой никаких документов у меня не было. Эта комната – служебное жилье, и сколько ты будешь в ней жить, решает начальник РОВД единолично. Пока работаешь – живи, перевелся в другое место – ключи на стол.

Теоретически был у нас с Мариной еще один вариант продолжения отношений: мы распишемся, но живем отдельно: она – в городе, я – в поселке. Как только она заикнулась о раздельном проживании, так я пресек этот разговор в корне. Мне в Верх-Иланске была нужна жена, которая взвалила бы на себя весь быт, а не просто штамп в паспорте. Это для Марины в городе свидетельство о браке – документ, подтверждающий статус замужней женщины, а мне обручальным кольцом на правой руке хвастаться не перед кем. Кольцо мне картошку не поджарит и в магазин за хлебом не сходит.

Интересно, как жили в сибирской ссылке декабристы, жены которых остались в столице империи? Кто декабристам, дворянам-белоручкам, рубашки стирал, обед готовил, в палисаднике перед крыльцом сорняки выпалывал? Как усмиряли декабристы восставшую от долгого воздержания плоть? К крестьянкам бежали или, сгорая от стыда, занимались самоудовлетворением? А жены-то их чем занимались в полном соблазнов Петербурге?

«Во глубине сибирских руд храните гордое терпенье!»

Хорошо было Александру Сергеевичу: его за вольнодумство не в Сибирь сослали, к дружка-декабристам, а всего лишь в родовое имение. Это не страшно. Это как бы меня из общаги выселили в квартиру к родителям. Не фонтан, конечно, но жить можно. Маманя как бы на меня ни обижалась: за Калмыкову, за то, что в милицию пошел работать, но пуговицу к пиджаку всегда пришьет и ужином накормит. А тут живешь один, как полярный медведь на льдине.

Пока я сам в ссылку не попал, никогда о жизни декабристов в Сибири не задумывался.

Оставив декабристов в покое, я вернулся к записям об убийстве.

«Наверняка Сычу в висок заехал Антонов, только никто ничего не докажет. Если Михаил Ильич будет стоять на своем, а Инга промолчит, что он поднимался вверх, то в отношении его даже серьезных подозрений не возникнет. Во всяком случае, у Паксеева и учителя положение несколько не лучше, чем у моего потенциального родственничка. Я лично подталкивать Антонова в яму не собираюсь. Кто его знает, как у меня в дальнейшем с Маринкой сложится? Одно понятно, если ее отец получит судимость, то наш брак станет невозможным. Вернее, я смогу на ней жениться, но из милиции меня тут же уволят».

Ночью мне снилась Наталья. Мы с ней уединились в ее спальне, она скинула с себя одежду, распустила косу. Неожиданно из потайного хода выскочил Паксеев и стал кричать, что Наталья – его жена и он напишет на меня еще один донос, после которого меня точно выгонят из милиции. Я выхватил из-под подушки пистолет и хотел убить Паксеева, но он только рассмеялся мне в лицо. «Ты забыл секрет руны «Альгиз»! – злорадствовал Юрий Иосифович. – Пока ты не вспомнишь, в какую сторону у нее должны быть лапки, я буду бессмертен!» Я нажал на курок, но выстрела не было. Я нажал на курок еще раз, и все вокруг заполнилось адским грохотом.

Я вскочил на кровати. У изголовья звонил будильник. Утро. Пора на работу.

8

Утром 2 сентября Гордеев собрал оперативный состав Верх-Иланского РОВД на совещание. С информацией о ходе расследования убийства выступил Казачков.

– Проведенный судебным медиком первоначальный осмотр трупа подтвердил наше предположение, что Сыч был сбит с ног одним сильным ударом в висок. Никаких скидок на нетрезвое состояние потерпевшего делать не стоит – от алкоголя кости не размягчаются. Основным подозреваемым по делу я считаю, – Казачков, не делая паузы, посмотрел в мою сторону, – Антонова Михаила, хотя в отношении его в данный момент нет никаких прямых доказательств.

После доклада начальника уголовного розыска слово взял я.

– Хочу уточнить, – с вызовом начал я, – что Антонов Михаил мне не родственник, а если бы и был им, то я ни при каких обстоятельствах не стал бы покрывать совершение им убийства.

– Тебя никто не обвиняет в проявлении личной заинтересованности, – заметил Гордеев.

– Спасибо за доверие, – усмехнулся я.

– Прекрати паясничать, – осадил меня начальник РОВД. – Мы здесь не для того собрались, чтобы обмениваться «любезностями».

– Разрешите продолжить? – спросил я, перейдя на деловой тон.

Я вытянул перед собой руку со сжатым кулаком.

– Ударная поверхность кулака может быть ограничена одной костяшкой среднего пальца. – Я показал на выступающую из общей плоскости кулака косточку. – У меня, у Антонова и у учителя Седова разный тип телосложения. Антонов физически сильнее меня, а я, в свою очередь, обладаю большими навыками рукопашного боя, чем учитель. Но эти факторы ничего не значат, если мы говорим об одном-единственном ударе, нанесенном в самую уязвимую часть головы.

– У Сыча треснула височная кость, – напомнил Казачков.

– У Сыча в силу возраста, – парировал я, – кости уже не обладают необходимым запасом прочности. С годами у человека из костей вымывается кальций, и они становятся более хрупкими. Без акта вскрытия трупа мы не можем сейчас в точности воспроизвести картину убийства. Одно дело, когда от удара Сыч падает на умывальник уже без сознания, и совсем другое, когда он только теряет равновесие.

– Я понял твою мысль, – перебил меня Гордеев. – Акт вскрытия нам в ближайшее время никто не даст – все материалы переданы в КГБ.

Гордеев достал сигареты, закурил. Все присутствующие молчали.

– Сложность нашего положения в том, – продолжил Семен Григорьевич, – что с нас, с одной стороны, никто не снимает обязанности раскрывать преступления, совершенные в Верх-Иланске, а другой стороны, мы не можем вмешиваться в оперативную работу органов КГБ. Пока наши «старшие товарищи» делиться с нами информацией не желают. Я спрогнозирую вам результат деятельности чекистов в нашем поселке: если они раскроют убийство, то это будет полностью их заслуга, а если нет, то это мы виноваты, не оказали им должного содействия. Сейчас сами знаете какая обстановка в стране – у власти Андропов. Мы, милиция, у него не в почете. Нам с вами надо выработать такую линию в расследовании убийства Сыча, чтобы мы были готовы к любому развитию событий. Я лично не исключаю такого варианта: как только чекисты уткнутся в отсутствие перспектив в раскрытии преступления, они спихнут все материалы нам. Например, они могут располовинить события, произошедшие в ДК: убийство – в одну сторону, руну на зеркале – в другую. Сама по себе руна, без трупа в туалете, не более чем абстрактный рисунок. В худшем случае – проявление хулиганства.

– Давайте возьмем руну как некую отправную точку в нашем расследовании, – предложил Казачков. – Кто ее мог нарисовать? Ветеран войны Паксеев? Вряд ли. Зачем ему марать себя фашистской символикой?

– А что, Вадим Алексеевич, ты знаешь в поселке человека, который благоволит Гитлеру? – возмутился Гордеев. – Ты ерунду-то не собирай, а то так договоришься, что у нас в Верх-Иланске подпольная фашистская организация появится.

– Организации точно нет, а вот крепко обиженных на советскую власть – полным-полно.

– Мы вновь вернулись к личности Сыча, – вступил в разговор я. – Пока мы не будем знать его биографию: где он служил, с кем из присутствующих в ДК мог встречаться ранее, – мы ничего не добьемся. Нам надо поднять его личное дело в областном УВД и сделать из него выписки.

– Виктор, – Гордеев поднял с места моего соседа по кабинету Горшкова, – займешься этим.

– Мне не доверяете? – спросил я.

– Разговоров лишних не хочу, – откровенно ответил Семен Григорьевич.

– Тогда мне чем заниматься? – развел я руками. – Если я стану разрабатывать Паксеева, то мне скажут, что я рою яму под любовника своей любовницы. Начну работать с Антоновым – родственника выгораживаю. Учителя тряхну – тоже что-нибудь выдумать можно.

– Например? – заулыбавшись, спросил Казачков.

– Скажем, так: учитель хочет отвалить от Инги Сурковой ее нового любовника – Паксеева...

– Достаточно! – перебил меня Гордеев. – Учителем займется Толя Мыльников. А ты, Андрей, поработай над расширением круга свидетелей.

Из кабинета Гордеева мы прошли к Казачкову. Он распределил работу между инспекторами уголовного розыска на сегодняшний день и отправил всех по адресам. Мне Семен Григорьевич велел остаться.

– Перестань дергаться, когда мы тебя и Антонова сводим в одну упряжку, – назидательно сказал он. – Если я и Гордеев станем делать вид, что в поселке нет никаких слухов о твоём предстоящем родстве с Антоновым, то нас запросто обвинят в кумовстве и наплевательском отношении к раскрытию преступлений. Или ты думаешь, что все, что мы говорим на совещаниях у Гордеева, остается тайной за семью печатями? Ничего подобного. На каждый роток не накинешь платок. У того же Мыльникова дядя в райисполкоме работает, хрен его знает, что племянничек ему докладывает.

– А нельзя как-то пореже...

– Нельзя! – жестко отрезал Казачков. – Все должны видеть, что мы постоянно держим в уме твою личную заинтересованность в отношении Антонова. Это поселок, Андрей! Здесь порой слухи, возникшие неизвестно откуда, могут провалить любую блестяще задуманную оперативную комбинацию. Сейчас нам выгодно выставить тебя защитником Антонова. Со стороны все должно выглядеть так: я подозреваю Антонова, а ты от него всячески отводишь подозрения. Если преступник не Антонов, то убийца должен подбросить нам улики против твоего тестя.

Я поморщился.

– Хорошо – будущего тестя. Потенциального. Предполагаемого.

В кабинет к Казачкову вошел замполит. Семен Григорьевич с ходу перешел на другую тему:

– И не забудь про кражу кур у гражданки Серафимович. Отработай алкашей с ее улицы, потряси шпану, поговори с малолетками. Куры не могут бесследно исчезнуть. Где-то перышки остались.

«Отрабатывать» кражу кур я пошел в библиотеку. Если события развиваются вокруг семьи Антоновых и в них непосредственно вовлечен я, то куры могут подождать.

Наталья сидела за столом в центре небольшого читального зала. Справа от нее – выставка с работами детских кружков верх-иланского Дома культуры. Среди поделок самая примечательная – робот, точно такой же, как у Инги.

В библиотеке ни одного посетителя. Никому книги пока не нужны. Начало осени – специфическое время на селе. Школьники заняты «внезапно» навалившейся учебой, а взрослые все свободное время уделяют работам по хозяйству. Сентябрь! Вот выпадет снег, жизнь в поселке войдет в зимнее русло, и тогда, чтобы скрасить досуг, в библиотеку за книгами потянутся и стар и млад.

– Здравствуйте, Наталья Михайловна!

– Здравствуйте, Андрей Николаевич. – Она одарила меня дежурной улыбкой. – Вы уже начали читать книгу, которую я вам дала?

– Пока только с аннотацией ознакомился, но у меня сразу же возник вопрос: эта книга в одном томе или у нее есть продолжение?

– Иногда кажется, что произведение закончено, а если захотеть, то у него появляется продолжение, – загадочно улыбаясь, ответила она.

– Интересная мысль, – согласился я.

– Андрей Николаевич, – Наталья, словно что-то припомнив, стала серьезной, – зачем вы на моего папу вчера так кричали, как будто он в чем-то виноват?

– Ваш папа, Наталья Михайловна, виноват лишь в том, что у него есть две очаровательные дочери. Каюсь, вчера был не сдержан, но тут не моя вина. Весь спрос с вашего папы и его дочерей.

– Я не поняла вас, Андрей Николаевич.

– А что здесь понимать, Наталья Михайловна! Всяк в поселке Верх-Иланск считает своим долгом напомнить мне, что ваш папенька – это мой тесть. Я уже смирился с этим, но никак ни от кого не могу добиться ответа на вопрос: на которой же из дочерей я женат? Если на старшей, то она живет в городе и за все лето появилась в поселке только один раз. Странно как-то – иметь жену, которую видишь раз в году. А если я женат на младшей дочери, – я сел за стол напротив библиотekarши, – то нам пора перейти на «ты». Я не знаю ни одной семьи, где бы супруги обращались друг к другу на «вы».

– Зачем вы так, Андрей Николаевич, – укоризненно сказала она. – Всяким шуткам есть предел.

– Наташа, разве я шучу? У меня есть тесть – это знают все. Если есть тесть, то должна быть жена. Это логика, Наташа! Если тебя хотят зажарить и съесть, то ты в Африке, среди людоедов, а не на Красной площади в центре Москвы.

– Давайте считать, что этого разговора между нами не было. Я ничего о нем Марине не скажу.

– Я могу ей рассказать, мне не трудно.

– Не надо, она обидится. – Наталья, не выдержав моего пристального взгляда, потупила глаза.

– На кого обидится, на меня, что ли? Пускай обижается.

– Андрей Николаевич, вы пришли, чтобы мне всякие колкости говорить?

– Я пришел попросить о помощи.

Она перестала рассматривать трещины на полировке стола и с интересом посмотрела на меня.

– Вчера, – продолжил я, – на цокольном этаже ДК была группа людей. Кто-то из них совершил убийство. Под подозрением – все мужчины, находившиеся в подвале, в том числе и

твой отец. Чтобы разобраться, что к чему, мне надо знать мнение стороннего наблюдателя о некоторых жителях поселка. Лучше тебя, Наташа, мне никто не поможет.

– Почему?

– Во-первых, ты мне «родня». Да, да, Наташа, не надо делать губки бантиком! Сейчас в поселке такая расстановка сил, что я и твой отец оказались в одной лодке. Представь, некий режиссер ставит пьесу Шекспира «Ромео и Джульетта». Меня и твоего отца он записал в клан Монтекки. Поверь, я не могу со сцены обратиться к зрителям и объявить им, что я не Монтекки, а, скажем, сын отца Гамлета.

– Сын отца Гамлета – это и есть Гамлет, принц Датский, – немного удивленно заметила она.

– Какая, к черту, разница: отец, сын! Пьеса написана, роли розданы. Отказаться от участия в постановке я не могу. Мне остается только выучить сценарий и понять, кто Ромео, а кто Джульетта. Ты, Наташа, выступишь в роли театрального критика и расскажешь мне, была Джульетта порядочной девушкой или Ромео собирался жениться на известной в Вероне потаскухе. Итак, Наталья Михайловна, ты готова отвечать на мои вопросы?

– Андрей Николаевич, у вас такие интересные рассуждения о творчестве Шекспира. – Она еще не решила, как ей надо вести себя со мной. Она тянула время. – Скажите, вы читали «Ромео и Джульетту»?

– Нет, конечно! Где ты видела мента, который читал Шекспира? А твой отец его что, читал? А брат? Давай оставим вопросы культуры на потом, а сейчас займемся слухами и сплетнями поселка Верх-Иланск. Слух первый, для меня самый интересный: что говорят в поселке о моем родстве с вашей семьей? Далее, что в вашей семье говорят обо мне? Поверь, это не праздное любопытство. Преступник, кто бы он ни был, будет выстраивать свою линию поведения по отношению ко мне с оглядкой на вашу семью. А я не могу проследить его взгляд, так как стою к тебе, Марине и твоему отцу слишком близко.

– А я что, далеко стою?

– Если ты стоишь близко, то ты моя жена, будущая или настоящая – это неважно. Если ты стоишь немного поодаль, тогда рассказывай.

Она покачала головой: мол, ну и дела!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.